

Всё та же я

ДЖОДЖО МОЙЕС

Долгожданное продолжение
всемирных бестселлеров
«До встречи с тобой» и «После тебя»!

ИЛ

До встречи с тобой

Джоджо Мойес

Всё та же я

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мойес Д.

Всё та же я / Д. Мойес — «Азбука-Аттикус», 2018 — (До встречи с тобой)

ISBN 978-5-389-14839-0

Луиза Кларк приезжает в Нью-Йорк, готовая начать новую жизнь. И попадает в другой мир, в чужой дом, полный секретов. Радужные мечты разбиваются о жестокую реальность, но Луиза со свойственным ей чувством юмора не унывает. Она твердо знает, что рано или поздно найдет способ обрести себя. А еще обязательно получит ответ на вопрос: кого же она на самом деле любит?..Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14839-0

© Мойес Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Джоджо Мойес

Всё та же я

Jojo Moyes
STILL ME

Copyright © Jojo's Mojo Ltd., 2018

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.

* * *

Дорогой Саски.

С гордостью носи свои полосатые колготки

Познай сначала, кто ты есть, и вот так украшай себя.

Эпиктет

Глава 1

Именно усы напомнили мне, что я уже не в Англии: густая седая подкова, закрывающая верхнюю губу; усы а-ля «Виллидж пипл», ковбойские усы, этакая мини-швабра, свидетельствующая о том, что с его обладателем шутки плохи. У нас в Англии подобных усов практически не встретишь. Я смотрела на них во все глаза.

– Мэм?

Единственным человеком, у которого я в свое время видела такие усы, был мистер Нейлор, наш учитель математики, и в этих его усах вечно застревали крошки, которые мы радостно пересчитывали на уроке алгебры.

– Мэм?

– Ой! Простите.

Мужчина в форме, не отрывая глаз от экрана, пригласил меня пройти вперед резким движением руки. Я терпеливо ждала у стойки паспортного контроля. Скопившийся за долгую дорогу пот начал мало-помалу впитываться в платье. Мужчина небрежно помахал четырьмя толстыми короткими пальцами. Как я поняла пару секунд спустя, это означало требование предъявить паспорт.

– Имя.

– Там все написано.

– Ваше имя, мэм.

– Луиза Элизабет Кларк. Хотя именем Элизабет я вообще не пользуюсь. Потому что мама почти сразу же поняла, что тогда все будут звать меня Лу Лиза. А если произнести очень быстро, то получится Лу Шиза. Хотя папа считает, это имя мне вполне подходит. Но не потому, что я шизик. Я хочу сказать, вам ведь в вашей стране и своих шизиков хватает. Ха! – Мой голос эхом отдавался от плексигласовой перегородки.

Хозяин густых усов наконец поднял на меня глаза. У него были широкие плечи, а пронизывающий взгляд действовал лучше любого электрошокера. Мужчина не улыбался. Он ждал, когда померкнет моя улыбка.

– Простите, – сказала я. – Вид людей в форме меня нервирует. – Я оглянулась на иммиграционный зал, на змеящуюся за моей спиной очередь, которая сдваивалась бесчисленное число раз, превращаясь в бурлящее людское море. – Мне стало немножко не по себе. Если честно, это была самая длинная очередь, в которой мне когда-либо доводилось стоять. Я даже подумала, что пора начать составлять список рождественских подарков.

– Положите руки на сканер.

– Она всегда такая длинная?

– Сканер? – нахмурился он.

– Нет. Очередь.

Но он меня уже не слушал. А внимательно изучал что-то на экране. Я положила пальцы на считывающее устройство. И тут звякнул мой телефон.

Мама.

Ты приземлилась?

Я начала было печатать ответ свободной рукой, но мужчина в форме резко повернулся ко мне:

– Мэм, здесь запрещено пользоваться мобильными телефонами.

– Это моя мама. Хочет узнать, долетела я или нет. – Убрав от греха подальше телефон, я попыталась незаметно нажать на смайлик.

– Цель поездки?

Тем временем от мамы пришел ответ:

Что это значит?

Мама пристрастилась к текстовым сообщениям, как утка к воде, и теперь набирает их быстрее, чем говорит, а именно со сверхзвуковой скоростью.

Ты же знаешь, мой телефон не принимает маленькие картинки. Это что, СОС? Луиза, срочно сообщи, что ты в порядке!

– Цель вашей поездки, мэм? – Усы раздраженно задержались. – Что вы делаете здесь, в Соединенных Штатах?

– У меня новая работа.

– Какая?

– Я собираюсь работать на одну семью в Нью-Йорке. Центральный парк.

Мой собеседник поднял брови. Буквально на миллиметр. Проверил адрес на заполненном мной бланке.

– И чем вы будете заниматься?

– Сложно объяснить. Я буду чем-то вроде платной компаньонки.

– Значит, платная компаньонка.

– Вот именно. Однажды я уже работала на одного мужчину. Была его компаньонкой, а еще давала ему лекарства, вывозила на прогулки, кормила. Конечно, это может показаться несколько странным... но у него не действовали руки. В общем, никаких там тебе извращений. В результате вся эта история переросла в нечто большее: сложно не привязаться к людям, за которыми ухаживаешь, а Уилл – тот мужчина – был потрясающим, и мы... Короче, мы полюбили друг друга. – Слишком поздно осознав, что предательские слезы уже на подходе, я порывисто вытерла глаза. – Поэтому, полагаю, работа будет примерно такой же. За исключением любовной линии. И кормления. – Увидев, что офицер иммиграционной службы продолжает на меня тарашиться, я попробовала улыбнуться. – Если честно, рассказывая о работе, я, вообще-то, не плачу. Я ведь не шизик, несмотря на дурацкое имя. Ха! Но я любила его. А он любил меня. И потом он... Одним словом, он предпочел уйти из жизни. Теперь я просто пытаюсь начать все заново. – Слезы уже текли непрерывным потоком. Ужасно неловко. Но я не знала, как их остановить. – Простите, все дело в смене часовых поясов. Ведь, если считать по нормальному времени, сейчас, наверное, всего два часа ночи. Так? Короче, у меня новый парень. Супер! Парамедик! И такой горячий! Это все равно что выиграть парня в лотерею. Так? Горячего парамедика? – Я безуспешно пыталась нашарить в сумочке носовой платок. А когда подняла глаза, иммиграционный офицер уже протягивал мне коробку бумажных салфеток. Я взяла одну. – Спасибо. Итак, мой друг Натан – он из Новой Зеландии, но работает здесь – помог мне получить эту должность, и я пока не в курсе, в чем конкретно будут состоять мои обязанности. Знаю только, что придется приглядывать за женой этого богатея. У нее депрессия. Но на сей раз я твердо решила жить так, как завещал Уилл, поскольку раньше что-то пошло не так. Я ведь недавно бросила работу в аэропорту. – И тут я сразу прикусила язык. – Нет... э-э-э... нет ничего плохого в том, чтобы работать в аэропорту. Я уверена, иммиграционная служба – очень ответственное поле деятельности. Очень, очень. Но у меня есть план. Я собираюсь делать что-нибудь новое каждую неделю моего пребывания здесь. И я собираюсь сказать «да».

– Сказать «да»?

– Новым вещам. Уилл всегда говорил, что я закрыта для чего-то нового. Поэтому у меня вот такой план.

Офицер внимательно изучил заполненные мной бумаги, после чего заявил:

– Вы неправильно заполнили графу с адресом. Мне нужен почтовый индекс.

Он подтолкнул ко мне бланк. Я проверила номер, который предварительно напечатала на бумажке, и дрожащей рукой вписала в нужную графу. Потом покосилась налево. Очередь

уже начала роптать. У соседней стойки два офицера опрашивали китайскую семью. И когда женщина стала протестовать, их всех вместе куда-то повели. Внезапно я почувствовала себя очень одинокой.

Офицер оглядел толпу за моей спиной, после чего резким движением проштамповал паспорт.

– Удачи вам, Луиза Кларк, – произнес он.

– Вот так просто? – уставилась на него я.

– Вот так просто.

Я расплылась в улыбке:

– Ой, спасибо вам большое! Как мило с вашей стороны! Я хочу сказать, страшно впервые оказаться совсем одной на другом конце света, но сейчас у меня такое чувство, будто я только что встретила здесь своего первого хорошего человека и...

– Мэм, проходите, пожалуйста.

– Конечно. Извините меня. – Собрав свои вещи, я смахнула со лба потную прядь волос.

– И, мэм...

– Да? – Интересно, что еще я сделала не так.

Он не стал отрывать взгляд от экрана:

– Будьте осторожны. И хорошенько подумайте, прежде чем сказать «да».

Натан, как и обещал, ждал меня в зале прибытия. Я обшарила глазами толпу, явно чувствуя себя не в своей тарелке, поскольку в глубине души была уверена, что никто не станет меня встречать. Но он был там, огромной рукой махал поверх голов обтекающего его потока людей. Он поднял вторую руку, расплывшись в широкой улыбке, после чего протиснулся ко мне и оторвал от земли в крепком объятии:

– Лу!

При виде Натана у меня непроизвольно сжалось сердце – из-за воспоминаний об Уилле, внезапного ощущения утраты, эмоциональной перегрузки после довольно тряского семичасового перелета. Я была рада оказаться в крепких объятиях друга, так как это давало мне время собраться.

– Добро пожаловать в Нью-Йорк, Коротышка! Вижу, ты не утратила чувства стиля. – Теперь он держал меня на вытянутых руках и ухмылялся.

Я одернула платье с тигровой расцветкой в духе 1970-х. Мне казалось, в нем я буду похожа на Джеки Кеннеди, в ее бытность женой Онассиса, правда пролившей себе на колени полчашки поданного в самолете кофе.

– Как я рад тебя видеть! – Он легко, как перышко, подхватил мои набитые чемоданы. – Пошли. Давай отвезу тебя домой. «Приус» сейчас на техобслуживании, поэтому мистер Гупник одолжил свою машину. Пробки чудовищные, но зато прибудешь с помпой.

Автомобиль мистера Гупника был черным, гладким, размером с автобус, а двери закрывались с едва различимым глухим чмоканием, говорившим о шестизначной цифре на ценнике. Натан уложил чемоданы в багажник, и я, вздохнув, устроилась на пассажирском сиденье. Проверила телефон, в ответ на четырнадцать маминых сообщений написала, что я в машине и позвоню завтра, после чего ответила Сэму, который сообщил, что скучает, коротким:

Приземлилась. xxx

– Как там твой парень? – поинтересовался Натан.

– Хорошо, спасибо. – На всякий пожарный я добавила еще парочку «хх».

– Не возражал против твоего отъезда?

Я пожала плечами:

– Он понимает, что мне это необходимо.

– Мы все понимаем. Тебе просто потребовалось время, чтобы выбрать свой путь. Такие дела.

Я убрала телефон, откинулась на спинку сиденья и принялась разглядывать незнакомые названия на вывесках вдоль дороги: «Милб. Продажа шин», «Спортзал у Ричи», – а еще машины «скорой помощи», дома на колесах, ветхие коттеджи с облупившейся краской и покосившимися верандами, баскетбольные площадки, длиннющие фуры, возле которых дальнобойщики что-то прихлебывали из огромных пластиковых стаканов. Натан включил радио. Комментатор по имени Лоренцо говорил о бейсбольном матче, и я вдруг почувствовала себя так, будто оказалась в параллельной реальности.

– У тебя будет весь завтрашний день на то, чтобы оклематься. Какие-нибудь пожелания имеются? Думаю, тебе нужно хорошенько выспаться, ну а потом я отведу тебя на бранч. За первую неделю в Нью-Йорке ты должна получить представление о здешнем общепите.

– Звучит заманчиво.

– Они вернутся из загородного клуба не раньше завтрашнего вечера. На прошлой неделе они всю дорогу собачились. Ладно, посвящу тебя в суть дела, после того как выспишься.

Я уставилась на Натана:

– Никаких скелетов в шкафу, да? Это ведь не будет, как...

– Они не похожи на Трейноров. Типичная неблагополучная семья мультимиллионеров.

– А она милая?

– Она классная. Правда, еще та заноза в заднице, но все равно классная! Впрочем, он тоже.

Пожалуй, это самая лестная характеристика, которую можно услышать из уст Натана. После этого он погрузился в задумчивость. Натан никогда особо не любил сплетничать. Ну а я сидела в прохладном салоне элегантного «Мерседеса GLS» и из последних сил боролась с накачивающими на меня приступами сонливости. Я думала о Сэме, который за несколько тысяч миль отсюда, наверное, видел сейчас десятый сон в своем железнодорожном вагоне, о Трине и Томе, живущих в моей тесной квартирке в Лондоне. Потом я услышала голос Натана:

– Ну вот и приехали.

С трудом разлепив воспаленные веки, я обнаружила, что мы на Манхэттене, едем по Бруклинскому мосту, сверкающему миллионом ярких огней, захватывающему дух, блестящему, прекрасному до невозможности и настолько знакомому по телепередачам и фильмам, что с трудом верилось, что я вижу его наяву. Я выпрямилась на сиденье и, онемев от восторга, смотрела, как мы въезжаем в самую известную столицу мира.

– Нестареющий вид, да? Пожалуй, пошкарнее будет, чем твой Стортфолд.

И тут меня наконец накрыло. *Мой новый дом.*

* * *

– Привет, Ашок! Как дела?

Натан покати́л мои чемоданы по отделанному мрамором вестибюлю, а я усиленно таранилась на черные с белым плитки, на латунные перила, стараясь не спотыкаться; мои шаги эхом разносились под высокими сводами. Все это было похоже на вход в роскошный, слегка поблекший отель: лифт отделан блестящей латуной, на полах – красные с золотом ковры. Обстановка чересчур мрачная, чтобы быть комфортной. В воздухе стоял запах пчелиного воска, начищенных туфель и больших денег.

– Нормально, приятель. А это кто?

– Луиза. Она будет работать на миссис Гупник.

Выйдя из-за стойки, консьерж в униформе протянул мне руку. У него была широкая улыбка и цепкий взгляд бывалого человека.

– Очень приятно познакомиться. Ашок. Так вы англичанка! У меня есть кузен в Лондоне. Крой-даун. Вы знаете Крой-даун? Вы там когда-нибудь были? Большой человек. Понимаете, о чем я?

– Я плохо знаю Кройдон, – ответила я, но, увидев его вытянувшееся лицо, поспешно добавила: – Но в следующий раз, когда там окажусь, непременно его отыщу.

– Луиза, добро пожаловать в «Лавери». Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь. Я здесь двадцать четыре часа семь дней в неделю.

– И это вовсе не шутка, – подтвердил Натан. – Мне иногда кажется, что он даже спит под своей стойкой. – Натан махнул рукой в сторону тускло-серых дверей грузового лифта в задней части вестибюля.

– Черт, трое ребятишек, мал мала меньше! – сообщил Ашок. – Поверьте, только работа и помогает мне не свихнуться. Чего нельзя сказать о моей жене. – Он ухмыльнулся. – Я серьезно, мисс Луиза. Только свистните – и я всегда к вашим услугам.

– Это он о наркотиках, проститутках и борделях? – шепотом спросила я, когда за нами закрылись двери грузового лифта.

– Нет. Это он о театральных билетах, столиках в ресторане и первоклассных химчистках, – ответил Натан. – Мы ведь на Пятой авеню. Господи! Чем ты занималась у себя в Лондоне?

Резиденция Гупника занимала семь тысяч квадратных футов на втором и третьем этаже здания в готическом стиле из красного кирпича. Подобный дуплекс, какой нечасто встретишь в этой части Нью-Йорка, являлся свидетельством богатства нескольких поколений семейства Гупник. Как сказал Натан, «Лавери» был уменьшенной копией известного здания «Дакота» и, кроме того, одним из старейших кооперативов в Верхнем Ист-Сайде. Никто не мог ни купить, ни продать квартиру в этом доме без одобрения правления собственников жилья, которые упорно противились любым переменам. И если шикарные кондоминиумы по другую сторону парка стали прибежищем для представителей новых денег: русских олигархов, поп-звезд, китайских сталелитейных магнатов и миллиардеров из технологической сферы, – с общественными ресторанами, спортзалами, детсадами и бесконечными бассейнами, – то жители «Лавери» оставались приверженцами старых традиций.

Апартаменты эти передавались по наследству из поколения в поколение. Их обитатели сумели приспособиться к системе внутридомовых сетей 1930-х годов, выдержали продолжительные и позиционные бои, чтобы получить разрешение на любые переделки чуть существеннее, нежели установка переключателя, и вежливо смотрели в другую сторону, пока Нью-Йорк вокруг них стремительно менялся, словно отворачиваясь от нищего с картонной табличкой в руках.

Я даже не успела толком рассмотреть роскошный дуплекс, с паркетными полами, высокими потолками и камчатыми шторами, поскольку мы напрямиком направились в комнаты для прислуги, расположенные на втором этаже, в дальнем конце идущего от кухни длинного узкого коридора, – аномалия, сохранившаяся с незапамятных времен. В более современных или модернизированных домах комнаты для прислуги уже ликвидированы как класс: домработницы и нянечки теперь едут из Квинса или Нью-Джерси на самых ранних поездах и возвращаются уже затемно. Но семья Гупник владела этими комнатухами еще со времени постройки здания. Их нельзя было ни переделывать, ни продавать, поскольку, согласно документам, они были неотъемлемой частью хозяйской резиденции и числились как кладовые. И нетрудно было заметить, почему их вполне можно было рассматривать в качестве таковых.

– Вот тут. – Натан открыл дверь и поставил мой багаж.

В моей комнате – примерно двенадцать на двенадцать футов – поместились двуспальная кровать, комод, платяной шкаф и телевизор. В углу примостилось обитое бежевой тканью

небольшое кресло с продавленным сиденьем – свидетельство хронической усталости предыдущих обитателей комнаты. Крошечное окошко, кажется, выходило на юг. Или на север. Или на восток. Впрочем, трудно сказать, поскольку окно находилось всего в шести футах от глухой кирпичной стены здания напротив, причем такого высокого, что небо можно было увидеть, лишь прижавшись носом к стеклу и свернув себе шею.

Кухня для персонала располагалась тут же по коридору, мне предстояло делить ее с Натаном и домоправительницей, чья комната была напротив.

На моей кровати высилась аккуратная стопка из пяти темно-зеленых футболок поло и нечто вроде черных штанов с дешевым тефлоновым блеском.

– Разве они не сказали тебе про униформу? – (Я рассеянно взяла футболку из стопки.) – Это просто штаны и футболка. Гупники считают, что с униформой все становится проще. Каждый твердо знает свое место.

– Конечно, если хочешь выглядеть как игрок в поло!

Я заглянула в крошечную ванную комнату, отделанную коричневым мрамором в известковом налете, и увидела унитаз, маленькую ванну, будто дошедшую до нас с 1940-х годов, и душ. Мыло в бумажной обертке лежало на краю ванны, средство для уничтожения тараканов скромно стояло в сторонке.

– По манхэттенским стандартам, это еще очень даже шикарно, – произнес Натан. – Понимаю, комната выглядит обшарпанной, но миссис Гупник сказала, что мы можем ее перекрасить. Парочка дополнительных светильников, вылазка в «Крейт и Баррель» и...

– Мне нравится, – дрожащим голосом прервала я Натана. – Натан, я в Нью-Йорке. Я действительно здесь.

Он сжал мое плечо:

– Ага. Ты действительно здесь.

Преодолевая приступы сонливости, я распаковала вещи, перекусила с Натаном готовой едой (он называл это «едой навынос», совсем как настоящий американец), попереключала 859 каналов на маленьком телевизоре, бóльшая часть которых до бесконечности крутила американский футбол, рекламу средств для улучшения пищеварения или бездарные криминальные шоу, после чего меня наконец сморило, и я отрубилась. Проснулась я без четверти пять утра, дезориентированная воем незнакомой сирены и глухим рычанием газующего грузовика. Включила свет, а когда вспомнила, где нахожусь, почувствовала приступ нервного возбуждения.

Достав из сумки лэптоп, я отправила Сэму текстовое сообщение:

Ты там? Ххх

Я ждала, но ответа так и не получила. Он говорил, у него сегодня дежурство, а значит, ему будет не до того, чтобы высчитывать разницу во времени. Тогда я убрала лэптоп и попыталась еще немного вздремнуть. Трина говорит, что от недосыпа я становлюсь похожа на грустную лошадь. Но непривычные звуки чужого города действовали на меня как сигнал к пробудке, так что уже в шесть утра я вылезла из постели, приняла душ, стараясь не обращать внимания на льющуюся ржавую воду, оделась – джинсовый сарафан и винтажная бирюзовая блузка без рукавов с принтом статуи Свободы – и отправилась на поиски кофе.

Я шлепала по коридору, судорожно вспоминая, где находится кухня для персонала, которую накануне показывал Натан. Открыв заветную дверь, я с порога поймала на себе пристальный взгляд какой-то коренастой женщины средних лет. Темные волосы, уложенные крупными волнами, как у кинозвезды 1930-х годов, красивые карие глаза и брюзгливо опущенные уголки рта, словно для демонстрации постоянного недовольства.

– Хм... Доброе утро! – (Она продолжала сверлить меня взглядом.) – Я... я Луиза. Новая девушка. Помощница... миссис Гупник...

– Она не миссис Гупник. – Заявление темноволосой женщины повисло в воздухе.

– Вы, должно быть... – Я порылась в своих раскисших мозгах, но так и не смогла припомнить ни одного подходящего имени. «Ну давай же, тупица, давай!» – подстегивала я себя. – Простите. У меня сегодня каша в голове. Временной сдвиг.

– Меня зовут Илария.

– Илария. Ну конечно же! Простите. – Я протянула руку, но женщина проигнорировала мой жест.

– Я знаю, кто ты.

– Э-э-э... Не могли бы вы показать, где Натан держит молоко? Я просто хотела выпить кофе.

– Натан не пьет молока.

– Да неужели? А раньше пил.

– Думаешь, я лгу?

– Нет. Я совсем не это хотела ска...

Она сдвинулась чуть-чуть левее и махнула рукой на навесной шкафчик, вдвое меньше всех остальных, находящийся практически вне пределов досягаемости:

– Это твой. – После чего она открыла холодильник, чтобы достать сок, и я заметила на ее полке двухлитровую бутылку молока, затем захлопнула дверцу и смерила меня суровым взглядом. – Мистер Гупник будет дома в восемнадцать тридцать. К его приходу ты должна надеть униформу. – С этими словами она, негодуя стуча подошвами шлепанцев, вышла в коридор.

– Приятно было познакомиться! Уверена, у нас еще будет куча возможностей для встреч!

С минуту я задумчиво разглядывала холодильник, а потом решила, что в такое время вполне можно выйти в магазин за молоком. Ведь, как ни крути, я была в городе, который никогда не спит.

* * *

Нью-Йорк, может, и не спал, но «Лавери» был окутан плотной пеленой тишины, будто намекающей на совместный прием снотворного всеми собственниками жилья. Итак, я прошла по коридору и осторожно закрыла за собой входную дверь, предварительно восемь раз проверив, что кошелек и ключи лежат в сумке. Я прикинула, что столь ранний час и сонное царство вокруг дают мне полное право присмотреться к месту, где я в конце концов оказалась.

Я на цыпочках пробиралась к выходу, роскошный ковер приглушал шаги, но тут за одной из дверей затыкала собака – истеричный, надрывный, протестующий лай, – и старческий голос что-то крикнул, правда, я не разобрала что. Чтобы не перебудить весь дом, я ускорила шаг и, обойдя стороной главную лестницу, направилась к грузовому лифту.

В вестибюле никого не было, поэтому я сама открыла дверь на улицу, тотчас же оказавшись посреди сумятицы света и звуков, настолько ошеломляющей, что пришлось на секунду замереть, чтобы не упасть. Прямо передо мной оазисом в пустыне раскинулся на многие мили вокруг Центральный парк. Слева от меня на боковых улочках уже всю кипела жизнь: здоровенные парни в комбинезонах под наблюдением копа, скрестившего на груди похожие на окорока руки, выгружали из фургона деревянные ящики. Неподалеку деловито тарахтела подметально-уборочная машина. Водитель такси переговаривался через открытое окно с каким-то человеком. Я перебрала в уме основные достопримечательности Большого яблока. Запряженные лошадьми экипажи! Желтые такси! Невероятно высокие здания! Двое усталых туристов, явно находившихся пока в другой временной зоне, катили, сжимая в руках пенопластовые стаканчики кофе, коляски с детьми. Манхэттен простирался во все стороны – необъятный, позолоченный солнцем, оживленный и сверкающий.

Мой синдром смены часовых поясов исчез с остатками утренней дымки. Я сделала глубокий вдох и пошла вперед, понимая, что улыбаюсь, как идиотка, но ничего не могу с этим поделать. Я отмахала восемь кварталов, так и не встретив ни одного круглосуточного супермаркета. Свернув на Мэдисон-авеню, я прошла мимо стеклянных фасадов роскошных магазинов, мимо затесавшихся между ними ресторанчиков с темными, как пустые глазницы, окнами, мимо раззолоченного отеля со швейцаром в ливрее, не удостоившего меня взглядом.

Я прошла еще пять кварталов, постепенно начиная осознавать, что здесь отнюдь не тот район, где можно запросто заглянуть в бакалейную лавку. В свое время я представляла себе нью-йоркские закусовые на каждом углу, с хамоватыми официантками и мужчинами в белых шляпах с плоской тульей и загнутыми полями, но все вокруг было настолько помпезным и гламурным, что не приходилось рассчитывать найти за этими дверями омлет с сыром или кружку горячего чая. Мне попадались навстречу в основном туристы или затянутые в лайкру, отгородившиеся от мира наушниками заядлые любители бега, которые ловко обходили стороной недовольных бомжей со злобными глазами и морщинистыми серыми лицами. Наконец я наткнулась на большой сетевой кофе-бар, где, похоже, собиралась половина нью-йоркских ранних пташек. Они таранились в айфоны или кормили неестественно жизнерадостных малышей под лившуюся из настенных динамиков поп-музыку.

Я заказала капучино и маффин, который бариста, не дав мне открыть рот, разрезал пополам, подогрел и намазал маслом, причем все это не отрываясь от увлекательной беседы с коллегой о бейсболе.

Расплатившись, я села с завернутым в фольгу маффином и откусила небольшой кусочек. Даже если не учитывать сосущее чувство голода, вызванного синдромом смены часовых поясов, это была самая восхитительная еда, какую я когда-либо пробовала.

Я, наверное, с полчаса смотрела в окно на утренний Манхэттен, во рту стоял вкус тающего маслянистого маффина и обжигающего крепкого кофе, а в голове крутились сумбурные мысли. Мой обычный внутренний монолог. *Я пью нью-йоркский кофе в нью-йоркской кофейне! Я гуляю по нью-йоркской улице! Совсем как Мег Райан! Или Дайан Китон! Я в самом настоящем Нью-Йорке!* И тут я наконец ясно поняла, что именно пытался объяснить мне Уилл два года назад. В эти несколько минут, наслаждаясь непривычной едой и выпитывая в себя незнакомые виды, я жила мгновением. Я целиком и полностью отдалась происходящему, все мои чувства воскресли, все мое существо было открыто для восприятия нового опыта. Я была в единственном месте на земле, где хотела быть.

И тут буквально на ровном месте две женщины за соседним столом устроили кулачный бой. Брызги кофе и кусочки выпечки летели во все стороны. Баристы оперативно бросились разнимать хулиганок. Отряхнув крошки с платья и закрыв сумку, я решила, что, пожалуй, пора возвращаться в спокойствие и тишину «Лавери».

Глава 2

Когда я вернулась в «Лавери», Ашок сортировал кипы газет, складывая их пронумерованными стопками. Он с улыбкой выпрямился:

– Ну, здравствуйте, мисс Луиза. Как вам первое утро в Нью-Йорке?

– Потрясающе! Спасибо.

– А вы напевали «Let the River Run», когда шли по улице?

Я остановилась как вкопанная:

– Как вы догадались?

– Все так делают, впервые оказавшись на Манхэттене. Черт, я и сам иногда пою это по утрам, а уж я-то точно не похож на Мелани Гриффит.

– А разве тут поблизости нет никаких бакалейных лавок? Я все ноги стоптала, чтобы выпить кофе.

– Мисс Луиза, почему же вы мне не сказали?! Идите за мной! – Он махнул рукой куда-то за стойку и, открыв дверь, провел меня в темный офис, его обшарпанная, неряшливая обстановка резко контрастировала с мрамором и латунью парадного вестибюля. На столе стояли мониторы камер наблюдения, между ними – старенький телевизор, большой грессбух, а еще кружка, книжки в бумажной обложке и целая экспозиция фотографий сияющих беззубых детишек. За дверью приютился допотопный холодильник.

– Вот. Берите. Отдадите потом.

– А что, все консьержи это делают?

– Никто не делает. Но «Лавери» – это особая статья.

– Тогда куда люди ходят за продуктами?

Он поморщился:

– Мисс Луиза, люди в этом доме вообще не ходят за продуктами. Они даже *не думают* о продуктах. Зуб даю, большинство из них считают, что еда, уже приготовленная, словно по волшебству появляется у них на столе. – Он оглянулся и понизил голос: – Могу поспорить, что восемьдесят процентов женщин в нашем доме за последние пять лет вообще ни разу не приготовили обед. Хочу заметить, половина женщин в этом здании вообще не едят. Точка. – В ответ на мой удивленный взгляд он лишь пожал плечами. – Мисс Луиза, богатые живут совсем не так, как мы с вами. А богатые из Нью-Йорка вообще живут не так, как все. – (Я взяла картонку с молоком.) – Все, что вам нужно, доставляется на дом. Вы к этому скоро привыкнете.

Я собралась было спросить его насчет Илари и миссис Гупник, которая, оказывается, вовсе не миссис Гупник, а также о семье, с которой мне придется познакомиться, но он уже отвернулся от меня, устремив взгляд в коридор:

– Доброга вам утра, миссис Де Витт!

– Что все эти газеты делают на полу?! Это место похоже на убогий газетный киоск! – Крошечная тщедушная старушонка раздраженно фыркнула, глядя на кипы «Нью-Йорк таймс» и «Уолл-стрит джорнал», которые Ашок не успел распаковать.

Несмотря на ранний час, старушка разоделась, словно на свадьбу: на ней был малиновый пыльник, красная шляпка-таблетка и огромные солнцезащитные очки в черепаховой оправе, закрывавшие ее крошечное морщинистое личико. Сидевший на поводке одышливый мопс с выпученными глазами наградил меня агрессивным взглядом, по крайней мере мне показалось, будто он на меня смотрит, хотя трудно сказать, поскольку его глаза вращались во всех направлениях. Я наклонилась, чтобы помочь Ашоку убрать газеты с пути вздорной старухи, и в этот момент собачонка прыгнула на меня с утробным рыком. Я отпрянула, едва не перелетев через пачку «Нью-Йорк таймс».

– Ой, ради всего святого! – послышался сердитый дрожащий голос. – А теперь вы расстраиваете мою собаку!

Собачьи зубы оказались в опасной близости от моей ноги. Кожа болезненно отреагировала на контакт.

– Пожалуйста, постарайтесь, чтобы к нашему возвращению весь этот хлам был убран. Я уже неоднократно говорила мистеру Овицу, что наш дом приходит в упадок. И кстати, Ашок, я оставила под дверью мешок с мусором. Потрудитесь его немедленно вынести, или весь дом пропахнет увядшими лилиями. Одному Богу известно, какой идиот додумался прислать в подарок лилии?! Погребальные цветы! Дин Мартин!

Ашок прикоснулся к кепи:

– Конечно, миссис Де Витт.

Дождавшись, когда она уйдет, он повернулся и посмотрел на мою ногу.

– Эта собака пыталась меня укусить!

– Да. Это Дин Мартин. Советую обходить его стороной. Он самый вредный обитатель «Лавери». А это уже о чем-то говорит! – Положив на стол очередную партию газет, Ашок выпроводил меня из офиса. – Не беспокойтесь, мисс Луиза. Я сам справлюсь. Газеты слишком тяжелые, а вас и так ждет нелегкий хлеб там, наверху. Желаю хорошего дня.

И он исчез, прежде чем я успела спросить, что он имел в виду.

День прошел как в тумане. Все утро я наводила порядок в своей маленькой спальне, отмывала ванную, развешивала фотографии Сэма, родителей, Трины и Тома, чтобы хоть как-то обуютить комнату. Натан отвел меня в закусочную неподалеку от Коламбус-серкл, где нам подали еду на тарелке размером с автомобильную крышку и такой крепкий кофе, что на обратном пути у меня тряслись руки. А еще Натан показал места, которые могли бы мне пригодиться: открытый допоздна бар, фургончик с едой, в котором готовили классный фалафель, надежный банкомат, чтобы получить наличность... От обилия новой информации мозги начинали закипать. К середине дня моя бедная голова буквально раскалывалась, а ноги точно налились свинцом. Тогда Натан, взяв меня под руку, проводил обратно до квартиры. Я была счастлива снова оказаться в сумрачной тишине здания с его грузовым лифтом, благодаря которому можно было не подниматься по лестнице.

– Постарайся немного вздремнуть, – посоветовал Натан, когда я скинула туфли. – Но только не больше часа, а иначе твои биологические часы окончательно взбесятся.

– Во сколько, ты говорил, возвращаются Гупники? – У меня уже начал заплетаться язык.

– Обычно часам к шести. А сейчас только три. Так что у тебя еще куча времени. Давай покемарь немного. И снова почувствуешь себя человеком.

Он закрыл за собой дверь, и я с благодарностью повалилась на кровать. Но, уже засыпая, внезапно поняла, что если упущу момент, то не успею поговорить с Сэмом. Выйдя из ступора, я взяла лэптоп и напечатала в приложении для мессенджера:

Ты здесь?

Через пару минут с негромким бульканьем на экране появилась картинка – и передо мной возник Сэм. Он сидел в своем вагончике, нависнув мощным телом над компьютером. Сэм. Парамедик. Человек-гора. Мой новый бойфренд. Мы улыбались друг на друга, как два деревенских придурка.

– Привет, красотка! Как твое ничего?

– Хорошо! – ответила я. – Я бы показала тебе комнату, но боюсь, что впилюсь в стенку, если буду поворачивать экран. – Я развернула лэптоп так, чтобы он мог увидеть мою крошечную спальню во всей красе.

– А по мне, так вполне неплохо. Она тебе подходит.

Я посмотрела на серое окно за его спиной. И сразу живо представила себе дождь, барабанный по крыше железнодорожного вагона, запотевшее стекло, мокрое дерево и куриц, прячущихся во дворе под перевернутой тачкой. Сэм смотрел на меня в упор, и я вытерла глаза, горько пожалев, что не догадалась ради такого случая наложить макияж.

– Ты уже начал работать?

– Ага. Мне сказали, что через неделю я смогу полностью приступить к своим обязанностям. Надеюсь, швы не разойдутся, когда буду ворочать больных. – Он инстинктивно положил руку на живот, куда получил пулю буквально несколько недель назад – рутинный вызов, который едва не закончился для него трагически, но в результате упрочил наши отношения, – и я почувствовала, как что-то внутри дрогнуло.

– Как бы я хотела, чтобы ты был тут! – вырвалось у меня.

– Я тоже. Но ведь у тебя сегодня первый день твоего большого приключения, которое наверняка окажется грандиозным. А уже через год ты будешь сидеть здесь...

– Не здесь, – перебила я Сэма. – В твоём достроенном доме.

– В моём достроенном доме, – повторил Сэм. – И мы будем разглядывать фотки в твоём телефоне, а я буду думать про себя: «Господи, снова-здорово! Она уже задолбала меня рассказами о своей жизни в Нью-Йорке!»

– А ты напишешь мне? Письмо, пронизанное любовью и желанием, орошенное скупой мужской слезой?

– Ах, Лу, ты же знаешь, что я не мастер писать. Но я позвоню. И буквально через четыре недели приеду к тебе.

– Хорошо. – У меня сдавило горло. – Ладно. Пожалуй, пойду немного вздремну.

– Я тоже, – ответил Сэм. – Но все мои мысли будут исключительно о тебе.

– Грязные и непристойные? Или романтические, в стиле Норы Эфрон?

– А что для меня безопаснее? – улыбнулся он и, помолчав, добавил: – Лу, ты хорошо выглядишь. Хотя ты... будто витаешь в облаках.

– У меня действительно голова идет кругом. Я чувствую себя ужасно, ужасно усталой. Кажется, еще немного – и я взорвусь. Все как-то непривычно.

Я положила руку на экран, потом Сэм положил свою, чтобы наши руки встретились. Мне показалось, я чувствую тепло его кожи.

– Сэм, я люблю тебя, – преодолев смущение, произнесла я.

– И я тебя. Я бы поцеловал экран, но, боюсь, все, что ты получишь, – это возможность созерцать волосы у меня в носу.

Я с блаженной улыбкой закрыла компьютер и уже через секунду провалилась в сон.

Кто-то вопил в коридоре. Я сразу проснулась, одурманенная, мокрая от пота, и выпрямилась на кровати, думая, что это, наверное, плохой сон. Но нет, за дверью моей комнаты действительно орала какая-то женщина. В моем воспаленном мозгу молнией пронеслись тысячи мыслей. Газеты, пестревшие сообщениями об убийствах в Нью-Йорке и о том, как информировать о преступлении. По какому номеру нужно звонить? Точно не 999, как в Англии. Я судорожно порылась в мозгу, но безуспешно.

– Чего ради? Почему я должна сидеть и мило улыбаться, пока эти ведьмы будут меня оскорблять? Ты не слышал и половины того, что они говорили! А ведь ты мужчина! У тебя точно затычки в ушах!

– Дорогая, пожалуйста, успокойся. Пожалуйста. Сейчас не время и не место.

– И никогда не будет! Потому что здесь всегда кто-нибудь отирается! Мне нужно купить собственную квартиру, чтобы было где ссориться!

– Не понимаю, почему ты принимаешь все так близко к сердцу. Ты должна относиться к...

– Нет!

Что-то с грохотом врезалось в деревянный пол. Теперь я окончательно проснулась. Сердце бешено колотилось.

За дверью повисла тяжелая тишина.

– Сейчас ты скажешь, что это была фамильная ценность.

Пауза.

– Ну да, да, была.

Сдавленный всхлип.

– Мне плевать! Мне плевать! Я задыхаюсь от истории твоей семьи! Ты меня слышишь? Задыхаюсь!

– Агнес, дорогая. Не в коридоре. Пойдем. Мы можем обсудить это позже.

Я застыла на краю постели.

Сдавленные всхлипы – и тишина. Выждав какое-то время, я на цыпочках подкралась к двери и прижалась к ней ухом. Посмотрела на часы: 16:46.

Я умыла лицо и поспешно переоделась в униформу. Причесалась, вышла в коридор, завернула за угол.

И остановилась.

Под дверями кухни на полу лежала, свернувшись клубком, молодая женщина. Мужчина постарше обнимал ее обеими руками, неловко сидя на корточках и упираясь спиной в стену. Похоже, он пытался подхватить женщину, но она, падая, увлекла его за собой. Ее лица я не видела. Мне удалось разглядеть лишь длинную тонкую ногу под задравшимся подолом темно-синего платья, завесу разметавшихся белокурых волос и побелевшие костяшки скрюченных пальцев.

Я громко сплотнула, не в силах отвести глаз. Мужчина поднял голову. И я сразу узнала мистера Гупника.

– Не сейчас. Благодарю, – мягко сказал он.

Онемев от волнения, я невольно попятилась и, вернувшись в свою комнату, закрыла за собой дверь. Стук сердца гулко отдавался в ушах, и мне казалось, будто они тоже слышат этот предательский звук.

* * *

Битый час я сидела, уставившись невидящими глазами в телевизор, в голове то и дело всплывала картина их сцепленных рук. Я решила отправить сообщение Натану, но не знала, что написать. Вместо этого без пяти шесть я покинула комнату и осторожно открыла дверь, ведущую из служебного коридора в хозяйские апартаменты. И пошла, тихо ступая по паркетному полу, мимо пустой просторной столовой, гостевой спальни и двух закрытых дверей на отдаленный звук голосов. Оказавшись возле гостиной, я остановилась у дверного проема.

Мистер Гупник на диванчике у окна разговаривал по телефону, рукава голубой рубашки закатаны, рука закинута за голову. Не прерывая разговора, он махнул мне, приглашая войти. Слева от меня какая-то блондинка – миссис Гупник? – на антикварном розовом диване без устали стучала пальцем по айфону. Она, похоже, успела переодеться, и я на секунду смешалась. Я продолжала неловко топтаться в дверях, пока мистер Гупник не закончил разговор и не встал с места, причем, как я успела заметить, с большим трудом и болезненно скривившись. Тогда я шагнула ему навстречу, чтобы избавить его от лишних движений, и пожала протянутую руку. Рука была теплой и мягкой, а рукопожатие – сильным. Молодая женщина продолжала постукивать по телефону.

– Луиза, очень рад, что вы благополучно добрались. Надеюсь, у вас есть все, что вам нужно? – Обычно так спрашивают исключительно из любезности, не ожидая в ответ каких-либо просьб.

– Все чудесно. Спасибо.

– Это моя дочь Табита. Таб? – (Девушка подняла руку и, изобразив намек на улыбку, снова уткнулась в телефон.) – Я прошу извинения, но моя жена Агнес, к сожалению, не смогла к нам присоединиться. Прилегла на часок. Ужасная головная боль. У нас был длинный уик-энд.

На его лицо набежала тень, но не дольше чем на секунду. Буквально ничто в его манере поведения не напоминало о той неприятной сцене, свидетелем которой я стала час назад.

Он улыбнулся:

– Итак, сегодня вы совершенно свободны, ну а начиная с завтрашнего утра будете повсюду сопровождать Агнес. Ваша официальная должность – помощница, и вы будете оказывать мое жене содействие во всем, что она пожелает сделать в течение дня. У нее весьма напряженный график. Я попросил своего помощника ознакомить вас с расписанием нашей семьи. Он будет уведомлять вас по электронной почте о корректировках планов. Лучше всего проверять почту около десяти утра, поскольку именно в это время мы вносим последние изменения в программу. С остальными членами нашей команды вы познакомитесь завтра.

– Чудесно. Спасибо. – Взяв на заметку слово «команда», я живо представила себе футболистов, бегущих по этим шикарным апартаментам.

– Папа, а что у нас сегодня на обед? – спросила Табита с таким видом, будто меня нет в комнате.

– Не знаю, дорогая. Мне казалось, ты говорила, что собираешься пойти в ресторан.

– Сомневаюсь, что сегодня вечером у меня хватит сил на городскую суету. Я, пожалуй, останусь.

– Как пожелаешь. Только предупреди Иларию. Луиза, у вас есть вопросы?

Я напряглась, пытаюсь сказать что-нибудь умное.

– Кстати, мама просила меня узнать, нашел ли ты ту картину. Мирю.

– Милая, тема закрыта. Картина останется здесь.

– Но мама говорит, что это она выбрала картину. И теперь маме ее не хватает. Тебе ведь она никогда не нравилась.

– Не в этом дело.

Я неловко переминалась с ноги на ногу, не будучи уверенной, отпустили меня или нет.

– Но, папа, дело как раз в этом. Тебе все мамины нужды до лампочки.

– Картина стоит восемьдесят тысяч долларов.

– Маме плевать на деньги.

– А нельзя ли обсудить это потом?

– Потом ты будешь занят. Я обещала маме уладить вопрос.

Я осторожно попятилась к двери.

– Здесь нечего улаживать. Соглашение было заключено восемнадцать месяцев назад. И мы все окончательно решили. Ой, дорогая, тебе уже лучше?

Я оглянулась. Женщина, которая вошла в комнату, была сногшибательной красавицей. На лице ни капли косметики, белокурые волосы небрежно затянуты узлом. Высокие скулы усеяны редкими веснушками, форма глаз говорила о славянском происхождении. На вид моя ровесница. Прощлепав босиком к мистеру Гупнику, она подарила ему поцелуй, ее рука небрежно пробежалась по его затылку.

– Это Луиза, – произнес он.

Она повернулась ко мне:

– Моя новая союзница.

– Твоя новая помощница, – поправил жену мистер Гупник.

– Привет, Луиза. – Она протянула мне тонкую руку.

Я почувствовала на себе ее испытующий взгляд. Она улыбнулась, и я невольно улыбнулась в ответ.

– Илария хорошо подготовила твою комнату? – У нее был мягкий голос с легким восточноевропейским акцентом.

– Все замечательно. Спасибо.

– Замечательно? Похоже, ты очень неприхотлива. Комната – точно кладовка для швабр. Если тебе что-то не нравится – говори, не стесняйся, и мы все исправим. Ведь так, дорогой?

– Агнес, а разве ты не жила в свое время в каморке, еще меньшей, чем эта? – бросила Таб, не отрываясь от айфона. – Папа говорил, ты делила ее еще с пятнадцатью иммигрантками.

– Таб! – В голосе мистера Гупника послышались металлические нотки.

Агнес, с коротким вздохом расправив плечи, гордо откинула голову:

– И правда, моя комната была еще меньше. Но я делила ее с очень милыми девушками. И никаких проблем. Если люди милые и вежливые, то можно многое вынести. Что скажешь, Луиза?

– Да, – сглотнув, ответила я.

Тем временем в гостиную вошла Илария. На ней были такие же, как у меня, темные брюки и футболка поло, только прикрытые белым передником. Она даже не взглянула в мою сторону.

– Илария, дорогая, а для меня что-нибудь найдется? – положив руку на спинку дивана, проворковала Таб. – Я, пожалуй, сегодня останусь здесь.

Лицо Иларии неожиданно потеплело. Передо мной был совершенно другой человек.

– Ну конечно, мисс Табита. Я всегда готовлю по воскресеньям лишнюю порцию на случай, если вы решите остаться.

Агнес застыла посреди комнаты. На секунду ее лицо стало испуганным. Затем она воинственно выпятила подбородок:

– Тогда я хочу, чтобы Луиза обедала с нами.

Возникла неловкая пауза.

– Луиза? – переспросила Таб.

– Да. Мне хочется познакомиться с ней поближе. Луиза, у тебя есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

– Э-э-э... Кажется, нет.

– Тогда ты поешь с нами. Илария, ты вроде говорила, что приготовила лишнюю порцию?

Илария посмотрела на мистера Гупника, который, похоже, был всецело поглощен своим телефоном.

– Агнес, – нарушила молчание Таб, – тебе, должно быть, известно, что мы не едим вместе с обслуживающим персоналом?

– Что значит «мы»? Не знала, что в этом доме есть служебная инструкция! – Вытянув руку, Агнес с наигранным спокойствием принялась рассматривать обручальное кольцо. – Дорогой, неужели ты забыл дать мне служебную инструкцию?

– При всем моем уважении, пусть даже Луиза и очень милая, – заявила Таб, – существуют некие границы! И всем это только на пользу.

– Я с удовольствием сделаю так, как... – начала я. – Мне не хочется причинять никаких...

– Ну, при всем моем уважении, Табита, я бы хотела, чтобы Луиза поужинала со мной. Она моя новая помощница, и нам предстоит проводить вместе каждый божий день. И я не вижу проблемы в желании познакомиться с ней поближе.

– Никаких проблем, – произнес мистер Гупник.

– Но, папочка...

– Никаких проблем, Таб. Илария, будьте добры, накройте стол на четыре персоны. Благодарю вас.

У Иларии округлились глаза. Она бросила на меня косой взгляд, ее рот превратился в узкую полоску, свидетельствующую о плохо сдерживаемой ярости, словно это я была инициатором грубейшего нарушения домашней иерархии, после чего она удалилась в столовую, откуда тотчас же донеслось демонстративное звяканье столовых приборов и звон бокалов. Агнес, облегченно вздохнув, откинула со лба волосы, после чего улыбнулась мне заговорщической улыбкой.

– Что ж, тогда приступим, – спустя минуту произнес мистер Гупник. – Луиза, может, вы хотите чего-нибудь выпить?

Обед оказался томительным, мучительным мероприятием. Я была подавлена великолепием стола из красного дерева, роскошью тяжелых серебряных приборов и хрустальных бокалов. Все это никак не вязалось с моей униформой. Мистер Гупник в основном хранил молчание и дважды исчезал, чтобы ответить на звонки из офиса. Таб занималась своим айфоном, демонстративно игнорируя остальных. Илария подавала цыпленка в винном соусе с гарниром, а потом убирала посуду с таким лицом, будто она, по выражению моей мамы, вот-вот пёрнет. Возможно, только я и заметила, как она презрительно, со стуком, ставит передо мной тарелку и громко фыркает, проходя мимо моего стула.

Агнес практически не притронулась к еде. Она сидела напротив меня и весело щебетала, совсем как с новой закадычной подругой, бросая время от времени осторожные взгляды в сторону мужа.

– Значит, ты впервые в Нью-Йорке, – начала она. – А где еще ты успела побывать?

– Хм... Так, кое-где. Я, как бы это сказать, слишком поздно начала путешествовать. Не так давно объездила всю Европу, а до того... побывала на Маврикии. И в Швейцарии.

– Америка не похожа на другие страны. И каждый штат воспринимается нами, европейцами, как нечто уникальное. Леонард показал мне лишь некоторые из них, но для меня они словно разные страны. Ты рада, что оказалась здесь?

– Безумно. Я хочу воспользоваться случаем и получить все, что может предложить Нью-Йорк.

– Она говорит совсем как ты, Агнес, – промурлыкала Таб.

Агнес, пропустив колкость мимо ушей, по-прежнему не сводила с меня глаз. И эти глаза, с едва заметно приподнятыми уголками, буквально завораживали своей красотой. Мне даже пришлось несколько раз напомнить себе, что неприлично так открыто пялиться на незнакомого человека.

– Расскажи о своей семье. У тебя есть братья? Сестры?

Я по мере сил описала свою семью, правда сделал ее больше похожей на Уолтонов, чем на Аддамсов.

– Значит, сестра теперь живет в твоей квартире в Лондоне? С сынишкой, да? Она приедет тебя навестить? А твои родители? Они будут по тебе скучать?

Я вспомнила о папиных словах, сказанных на прощание: «Лу, можешь не спешить с возвращением! Мы собираемся переоборудовать твою бывшую спальню в ванную комнату с джакузи!»

– О да, конечно! Очень сильно.

– Моя мама плакала две недели, когда я покинула Краков. А у тебя есть парень?

– Да. Его зовут Сэм. Он парамедик.

– Парамедик? Вроде доктора? Как мило! Покажи его фото. Обожаю рассматривать фотографии.

Я вытащила из кармана телефон и прокрутила фотки, пока не нашла свою самую любимую – ту, где Сэм, еще не успевший снять после дежурства темно-зеленую униформу, сидит на фоне закатного солнца на террасе, устроенной на крыше моей лондонской квартиры. В руках у него кружка чая, а на губах – счастливая улыбка. Я отчетливо помню, как это было. Моя кружка с остывшим чаем стояла на бортике, а Сэм терпеливо ждал, пока я щелкала фотографию за фотографией.

– Какой интересный мужчина! А он приедет к тебе в Нью-Йорк?

– Хм, нет. В данный момент он занимается строительством дома, так что прямо сейчас ничего не выйдет. К тому же он работает.

У Агнес округлились глаза.

– Но он должен приехать! Вы не можете жить в разных странах! Разве это любовь, если твоего мужчины нет рядом?! Лично я не способна перенести разлуку с Леонардом. Не люблю, когда он уезжает по делам даже на два дня.

– Ну да, полагаю, ты действительно приложишь максимум усилий, чтобы не быть слишком далеко от него, – бросила Таб.

Оторвав глаза от тарелки, мистер Гупник перевел взгляд с жены на дочь и обратно, но предпочел промолчать.

– И все же, – невозмутимо продолжила Агнес, расправляя на коленях салфетку, – Лондон не настолько далеко. А с любовью не шутят. Правда, Леонард?

– Конечно да. – Его лицо на миг смягчилось от улыбки жены.

Агнес погладила мужа по руке, и я поспешно уставилась в свою тарелку.

В комнате на секунду стало тихо.

– Пожалуй, отправлюсь-ка я домой. А то меня уже начинает подташнивать.

Таб со скрипом отодвинула стул и швырнула салфетку в тарелку. Белый лен моментально пропитался красным соусом. Я с трудом сдержала порыв спасти мокнущую салфетку. Поднявшись, Таб клюнула отца в щеку. Он нежно погладил ее по руке.

– Ладно, папочка, поговорим на неделе. – Она обернулась и отрывисто кивнула. – Луиза... Агнес. – И вышла из комнаты.

Агнес проводила ее взглядом. Кажется, она что-то тихо пробормотала себе под нос, но в этот момент Илария убирала мою тарелку и столовые приборы с таким яростным грохотом, что я ничего не расслышала.

С уходом Таб Агнес тотчас же утратила весь боевой задор. Она словно обмякла на стуле, плечи и голова устало поникли, отчего сразу выступили острые ключицы. Я встала:

– Думаю, мне пора вернуться в свою комнату. Большое спасибо за ужин. Он был восхитительным.

Никто не стал возражать. Мистер Гупник, положив на стол руку, нежно перебирал пальцы жены.

– Увидимся утром, Луиза, – не глядя на меня, произнес он.

Агнес пристально посмотрела на мужа, ее лицо помрачнело. Я бочком выбралась из столовой и, проходя мимо кухни, невольно ускорила шаг, чтобы виртуальные ножи, которые, как я чувствовала, Илария метала оттуда мне в спину, не попали в цель.

Спустя час я получила сообщение от Натана. Он с друзьями пил пиво в Бруклине.

Слышал, ты прошла настоящее крещение огнем. Ты в порядке?

На остроумный ответ у меня просто-напросто не осталось сил. Впрочем, так же как и на вопрос, откуда он узнал.

Все наладится, когда познакомишься с ними поближе. Обещаю.

Я ответила:

Увидимся утром.

У меня вдруг возникло дурное предчувствие – на что это я подписалась? – но потом я собралась и, сказав себе пару ласковых, в изнеможении рухнула на кровать.

В ту ночь мне снился Уилл. Он редко мне снился, и в первое время сны эти были источником грусти, когда я так тосковала по нему, что казалось, будто кто-то проделал в моем теле огромную дыру. Сны прекратились, когда я встретила Сэма. И вот в этот ранний час Уилл опять возник передо мной, точно живой. Я стояла на тротуаре и неожиданно увидела его на заднем сиденье автомобиля, дорогого черного внедорожника, совсем как у мистера Гупника. И я сразу же почувствовала невероятное облегчение оттого, что он не умер, что он здесь, с нами, а затем чисто инстинктивно поняла: ему не следует ехать туда, куда он направляется. Нужно непременно его остановить. Но всякий раз, как я пыталась перейти дорогу с интенсивным движением, передо мной возникал новый поток машин. Они вихрем проносились мимо, заслоняя от меня Уилла. Мой голос, выкрикивающий любимое имя, тонул в реве моторов. Уилл был так близко и так далеко – кожа цвета карамели, легкая улыбка, приподнятые уголки губ; он что-то говорил водителю, а вот что именно – я не слышала. В последнюю минуту он поймал мой взгляд – его глаза слегка округлились, – и тут я проснулась, вся в холодном поту, пуховое одеяло запуталось вокруг ног.

Глава 3

Кому: Samfielding1@gmail.com

От кого: BusyBee@gmail.com

Пишу в спешке – у миссис Гупник урок игры на фортепиано, – но я постараюсь посылать тебе сообщения каждый день, чтобы мне хотя бы казалось, будто мы болтаем. Я скучаю по тебе. Пожалуйста, напиши ответ. Я знаю, ты говорил, что ненавидишь электронную почту, но сделай это ради меня. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! (Здесь ты должен сразу представить себе мое умоляющее лицо.) Люблю тебя. Л. xxxxxx

– Ну, здравствуйте!

Передо мной стоял, подбоченившись, очень большой афроамериканец в обтягивающей алой лайкре. Я – в футболке и спортивных трусах – замерла, растерянно моргая, на пороге кухни. Может, он мне снится? И будет ли он по-прежнему стоять тут, если я закрою дверь, а потом снова открою?

– Вы, наверное, мисс Луиза? – Огромная рука с таким энтузиазмом стиснула мою ладонь, что я невольно подпрыгнула.

Тогда я бросила взгляд на часы. Все верно. Часы показывали четверть седьмого.

– Я Джордж. Тренер миссис Гупник. Слышал, вы к нам присоединитесь. Жду с нетерпением.

Я с трудом проснулась после нескольких часов беспокойного сна, пытаюсь стряхнуть с себя обрывки опутавшей меня паутины сновидений, и теперь, точно зомби, ковляла в поисках кофеина по коридору.

– О'кей, Луиза! Главное – пить побольше жидкости! – И, прихватив две бутылки воды, Джордж легкой рысцой пробежал по коридору.

Я налила себе кофе, и в это время на кухню вошел Натан, уже одетый и благоухающий лосьоном после бритья. Натан с удивлением уставился на мои голые ноги.

– Я только что познакомилась с Джорджем, – сообщила я.

– Ну, насчет ягодичных мышц ты все лучше его знаешь. Ты ведь взяла с собой кроссовки?

– Ха! – Пока я пила кофе, Натан продолжал выжидающе на меня смотреть. – Натан, про кроссовки разговора не было. Я не бегунья. Короче, я неспортивная. Одним словом, рохла и лежебока. Что тебе прекрасно известно. – (Налив себе черного кофе, Натан поставил колбу обратно в кофеварку.) – Ну а кроме того, я ведь еще в этом году свалилась с крыши. Помнишь? Переломав кучу костей.

Теперь я уже могла легко шутить о той страшной ночи, когда, оплакивая Уилла, надрались и упала с крыши своего лондонского дома. Хотя боли в бедре не давали мне об этом забыть.

– У тебя все хорошо. И ты помощница миссис Гупник. Твоя работа, подруга, – быть рядом с ней в любое время. Если она хочет, чтобы ты начала бегать, значит побежишь как миленькая. И не надо впадать в отчаяние. Тебе понравится. Через несколько недель будешь в отличной форме. Здесь все занимаются фитнесом.

– Сейчас всего четверть седьмого.

– Мистер Гупник встает в пять. Мы только что закончили сеанс лечебной гимнастики. Миссис Гупник любит немного поваляться.

– И когда мы начинаем бегать?

– Без двадцати семь. Встречаетесь в хозяйском коридоре. До встречи! – Он помахал рукой и был таков.

Агнес, естественно, относилась к тому типу женщин, которые по утрам выглядят даже лучше, чем вечером. Чистое лицо, похожее на слегка размытое фото, снятое через фильтр, но при этом очень сексуальное. Волосы, небрежно затянутые в конский хвост, облегающий топ и штаны для бега придавали ей небрежный шарм, свойственный супермоделям в нерабочее время. Она прогарцевала по коридору, словно скаковая лошадь паломино¹ в солнцезащитных очках, и приветственно взмахнула тонкой рукой, давая понять, что сейчас слишком рано для разговоров. У меня с собой были лишь шорты и майка, в которых я наверняка выглядела как толстуха со стройки. И что еще хуже, я не успела побрить подмышки, а потому старалась прижимать локти к бокам.

– Доброе утро, миссис Гупник! – Появившийся возле нас Джордж протянул ей бутылку воды. – Ну что, готовы? – (Она кивнула.) – Вы готовы, мисс Луиза? Сегодня мы пробежим всего четыре мили. Миссис Гупник хочет поделаться дополнительные упражнения для укрепления мышц живота. Вы уже успели растянуться, да?

– Хм, я... – У меня не было ни воды, ни бутылки. Но мы уже рванули вперед.

Я когда-то слышала выражение «взять с места в карьер», но до знакомства с Джорджем толком не понимала, что оно означает. Джордж припустил по коридору со скоростью чуть ли не сорок миль в час, и когда я уже было понадеялась, что перед лифтом мы сбавим темп, он распахнул двустворчатую дверь на лестницу, и мы побежали вниз по ступенькам прямо до первого этажа. После чего вихрем промчались по вестибюлю мимо Ашока, так что я едва уловила его приглушенное приветствие.

Боже милостивый, ведь еще слишком рано для этого! Я проследовала за Агнес с Джорджем, бежавшими легко и непринужденно, словно пара лошадей в упряжке. И так, я тащилась сзади. Мои короткие шаги не совпадали с их, мои кости дребезжали при каждом ударе ноги о землю, я то и дело бормотала извинения, лавируя между прохожими, имевшими неосторожность попасться мне на пути. Бег был фишкой моего бывшего бойфренда Патрика. Собственно, бег похож на суп из капусты: ты знаешь, что он, возможно, очень полезный, но при этом понимаешь, что жизнь слишком коротка, чтобы растрчивать себя на такие вещи.

«Ну давай же, ты это сделаешь!» – подбадривала я себя. – Тебе наконец представилась первая возможность сказать „да“. Ты на пробежке в Нью-Йорке! Ты стала совершенно другим человеком!» Несколько великолепных размашистых шагов – и я на секунду почти поверила в это. Тем временем транспортный поток остановился, светофор переключился. Джордж с Агнес легко пританцовывали на цыпочках на краю тротуара, меня же за ними не было видно. И вот мы, перебежав через дорогу, оказались в Центральном парке, тропа исчезала под нашими ногами, звуки транспорта затухали по мере того, как мы углублялись в зеленый оазис в сердце большого города.

Мы отмахали почти милю, когда я внезапно поняла, что это плохая идея. И хотя сейчас я больше шла, чем бежала, мне явно не хватало воздуха, а бедро протестующе напоминало о свежих травмах. За все эти годы я лишь раз пробежала пятнадцать ярдов за уходящим автобусом, причем неудачно. Подняв голову, я увидела, что Агнес с Джорджем весело болтают, не сбавляя хода. Мне было ни вздохнуть, ни охнуть, а они беседовали как ни в чем не бывало.

Тут я вспомнила о папином приятеле, получившем инфаркт во время пробежки. Папа всегда использовал этот случай в качестве наглядной иллюстрации того, почему спорт скорее вреден, чем полезен. Почему я не сослалась на свои травмы?! И неужели мне суждено выхаркать свои легкие прямо здесь, посреди парка?!

– Мисс Луиза, вы там как, нормально? – Джордж, развернувшись, потрусил назад.

¹ Пегая лошадь с белой гривой. – Здесь и далее примеч. перев.

– Отлично! – Я подняла вверх большой палец.

Мне всегда хотелось посмотреть Центральный парк. Но не такой ценой. И тут у меня, естественно, возник вопрос: что будет, если я загнусь в первый же день на новой работе? Я свернула в сторону, чтобы пропустить женщину с неуверенно ковляющими тройняшками. «Господи, – взмолилась я, глядя на двух легко бегущих впереди людей, – сделай так, чтобы один из них навернулся. Нет, не сломал ногу, а просто растянул связки. Короче, что-нибудь такое, что пройдет через сутки, но заставит лежать на диване с поднятой ногой и смотреть дневные программы по телику».

Они уже здорово оторвались от меня, и тут я ничего не могла поделать. Разве в парке должны быть горки?! Мистер Гупник наверняка разозлится, что я не бегу, как приклеенная, за его женой. А она поймет, что я всего лишь бестолковая, унылая англичанка и никакая не союзница. И тогда они наймут какую-нибудь стройную, шикарную девушку в более подходящей для бега одежде.

Именно в этот момент мимо меня протрусил какой-то старикан в наушниках. Он повернул голову в мою сторону, затем проверил свой фитнес-трекер и резво побежал дальше. Ему явно было не меньше семидесяти пяти.

– Ой, ну *давай же!* – Я уныло проводила глазами убегающего старика.

И неожиданно увидела запряженную лошадью коляску. Рванув вперед, я поравнялась с кучером:

– Эй! Эй! А вы не могли бы подкинуть меня туда, где бегут эти люди?

– Какие люди?

Я показала на крошечные фигурки, видневшиеся вдаль. Кучер равнодушно пожал плечами. Я залезла в коляску и пригнула голову. Кучер, натянув вожжи, направил лошадь в нужную сторону. «Ну вот, еще одно нью-йоркское приключение, хотя и незапланированное!» – подумала я, скорчившись за спиной кучера. Когда мы подъехали поближе, я похлопала его по плечу, чтобы он меня высадил. Мы проехали не больше пятисот ярдов, но теперь я практически догнала Агнес с Джорджем. Когда я собралась соскочить с коляски, кучер сказал:

– Сорок баксов.

– Что?

– Сорок баксов.

– Но ведь мы проехали всего пятьсот ярдов!

– Леди, такова цена.

Агнес с Джорджем продолжали о чем-то увлеченно беседовать. Вытащив из заднего кармана две двадчатки, я сунула их кучеру и, спрятавшись за коляской, продолжила пробежку. И очень вовремя, поскольку Джордж обернулся проверить, где я. Тогда я в очередной раз радостно подняла вверх большой палец с таким видом, будто все время была здесь.

Но вот наконец Джордж надо мной сжалился. Он заметил, что я хромаю, и, пока Агнес делала растяжки, вытягивая длинные, как у цапли, ноги, подбежал ко мне:

– Мисс Луиза! Вы там как, в порядке?

Джорджа я теперь могла только слышать: пот заливал глаза, лишая способности видеть. Я согнулась, пытаясь как паровоз, и положила руки на колени.

– У вас проблема? Вы слегка покраснелись.

– Нет... практики, – прохрипела я. – Проблемы... с бедром.

– У вас что, была травма? Почему вы не сказали?!

– Не хотелось... лишать себя удовольствия! – Я вытерла ладонью воспаленные глаза. Отчего стало только хуже.

– И где именно?

– Левое бедро. Перелом. Восемь месяцев назад.

Он положил руки на мое левое бедро и принялся оттягивать ногу назад и вперед, чтобы проверить, как она вращается. Я из всех сил старалась не дергаться.

– Думаю, на сегодня вам достаточно.

– Но я...

– Нет. Отправляйтесь-ка назад, мисс Луиза.

– Ну, если вы настаиваете... Хотя, конечно, очень обидно.

– Встретимся дома. – Он похлопал меня по спине с такой силой, что я едва не шлепнулась лицом вниз, после чего жизнерадостно помахал мне рукой и исчез из виду.

* * *

– Хорошо провели время, мисс Луиза? – поинтересовался Ашок, когда сорок пять минут спустя я ввалилась в дом.

Оказалось, что, помимо всего прочего, в Центральном парке легко можно заблудиться. Я сделала паузу, чтобы отлепить от спины мокрую от пота футболку.

– Великолепно. Мне понравилось.

Поднявшись наверх, я обнаружила, что Джордж с Агнес вернулись домой на целых двадцать минут раньше меня.

Мистер Гупник говорил, что у Агнес плотное расписание. И если учесть, что она не работала и не имела детей, Агнес действительно оказалась самым занятым человеком из всех, кого я когда-либо видела. После ухода Джорджа у нас с ней было всего полчаса на завтрак. Агнес уже ждал накрытый стол с омлетом из яичных белков, ягодами и кофе в серебряном кофейнике. Я же схочмячила маффин, оставленный Натаном на кухне для персонала. Затем мы провели полчаса в кабинете мистера Гупника, где его помощник Майкл ознакомил нас с намеченными на эту неделю мероприятиями, которые должна была посетить Агнес.

Кабинет мистера Гупника был подчеркнуто мужским: панели из темного дерева, полки, ломящиеся от книг. Мы сидели за кофейным столиком на стульях с мягкой обивкой. На огромном письменном столе мистера Гупника у нас за спиной стояли несколько телефонов и лежали ежедневники в твердой обложке. Майкл периодически просил Иларию принести еще ее восхитительного кофе, что она и делала, расточая улыбки, предназначенные ему одному.

Майкл ознакомил нас с предстоящими мероприятиями. Агнес должна была присутствовать на встрече членов филантропического фонда семейства Гупник, на благотворительном обеде в среду, на поминальном обеде и коктейле в четверг, на художественной выставке в Линкольн-центре и на концерте в Метрополитен-опере в пятницу.

– Однако спокойная неделя, – заметил Майкл, глядя в айпад.

В ежедневнике Агнес на сегодня было отмечено: посещение парикмахера в десять (парикмахера она посещала три раза в неделю), прием у дантиста (рутинная гигиеническая процедура) и встреча с декоратором интерьера. В шестнадцать часов у нее был урок игры на фортепиано (они проходили дважды в неделю), в семнадцать тридцать – велотренажеры, после чего она собиралась пообедать вдвоем с мистером Гупником в ресторане в Мидтауне. Мой рабочий день заканчивался в восемнадцать тридцать.

Расписание на сегодняшний день, похоже, вполне устроило Агнес. Или все дело было в пробежке. Агнес, окутанная облаком духов, уже успела переодеться в темно-синие джинсы и белую блузку, в вырезе которой виднелся крупный бриллиантовый кулон.

– Все замечательно, – заявила Агнес. – Ладно, мне нужно сделать несколько звонков.

Похоже, она была уверена, что я в курсе, где ее можно будет найти.

– Если есть какие-то сомнения, подожди ее в холле, – шепнул Майкл, когда она ушла. Он улыбнулся, напускная деловитость моментально исчезла. – Когда я только начал здесь рабо-

тать, то никогда не знал, где их искать. Наша задача быть всегда рядом в любой момент, когда мы можем им понадобиться. Но при этом не ходить за ними хвостом в ванную или уборную.

Майкл был не намного старше меня, но относился к тому типу людей, которые появляются на свет из утробы матери уже красивыми, в сочетающейся по цвету одежде и в идеально начищенных туфлях. И у меня невольно возник вопрос: неужели все в Нью-Йорке, за исключением меня, именно такие?

– И как давно ты тут работаешь?

– Чуть больше года. Им пришлось уволить свою личную секретаршу, потому что... – Он смущенно замолчал. – Ну, в общем, они решили начать с чистого листа и все такое. А через какое-то время поняли, что им недостаточно одного помощника на двоих. И тут появилась ты. Ну привет! – Он протянул мне руку.

– Ну и как тебе здесь? – пожав его руку, поинтересовалась я.

– Очень нравится. Причем я даже не знаю, кто из них мне нравится больше – он или она, – ухмыльнулся Майкл. – Он умнейший человек. И очень красивый. А она просто куколка.

– Ты с ними бегаешь?

– Бегаю? Ты что, издеваешься?! – Он вздрогнул. – Терпеть не могу потеть. Ну разве что с Натаном. Черт! Вот с ним бы я попотел. Роскошный мужик! Он предложил мне помассировать плечо, и я влюбился в него с первого взгляда. Как, ради всего святого, ты умудрилась, так долго проработав с ним бок о бок, не запрыгнуть на это великолепное австралийское тело?

– Я...

– Не говори мне. Даже если ты и была с ним, не хочу ничего знать. Мы должны оставаться друзьями. Ладно. Мне пора на Уолл-стрит. – Он дал мне кредитную карту («На всякий пожарный – она постоянно забывает свою. Все выписки со счета отправляются ему») и планшет, после чего показал, как набирать пин-код. – Здесь контактные телефоны, которые могут понадобиться. А также все, что касается расписания встреч. – Майкл принялся прокручивать указательным пальцем сенсорный экран. – Каждый человек имеет свой цветовой код: мистер Гупник – синий, миссис Гупник – красный, Табита – желтый. Мы больше не ведем ее ежедневник, так как она живет в другом месте, но всегда полезно знать, когда она может появиться здесь и намечаются ли совместные семейные мероприятия вроде заседаний членов опекунского совета или правления фондов. Я сделал тебе персональный адрес электронной почты. Если будут какие-либо изменения, мы с тобой это обговорим, чтобы продублировать их на экране. Тебе придется все перепроверять. Единственная вещь, которая гарантированно приведет мистера Гупника в бешенство, – накладки в расписании встреч.

– Поняла.

– Итак, каждое утро ты будешь проверять ее почту и выяснять, какие мероприятия она захочет посетить. Затем мы будем проводить сверку, так как иногда она говорит «нет», а он ее заставляет. Поэтому ничего не выкидывай. Просто складывай приглашения в две стопки.

– А много приходит приглашений?

– Ой, ты даже не представляешь! Гупники – это элита. А значит, они получают приглашения буквально на все светские мероприятия и, как правило, не ходят ни на одно из них. Но если ты принадлежишь к высшему обществу, но уровнем ниже, то почтешь за счастье получить хотя бы половину этих приглашений и ни от одного из них не откажешься.

– А как насчет третьего уровня?

– Неудачники. С радостью пойдут на открытие фургончика, где торгуют бурито. Их можно встретить даже на светских тусовках. – Майкл вздохнул. – Ужасно неловко.

Я открыла страницу ежедневника, нашла текущую неделю, которая буквально ослепила меня разноцветием красок. И постаралась по возможности скрыть свою полную растерянность.

– А что значит коричневый цвет?

– Это для Феликса. Кота.

– У кота есть свой ежедневник?!

– Всего лишь запись к грумерам, ветеринару, дантисту-гигиенисту, ну и типа того. Ой нет! На этой неделе он записан к бихевиористу. Должно быть, опять обосрался после «Зиглера».

– А фиолетовый?

Майкл понизил голос:

– Бывшая миссис Гупник. Если увидишь фиолетовый квадрат возле какого-нибудь события, это значит, что она тоже там будет. – Майкл собрался было что-то добавить, но тут у него зазвонил телефон. – Да, мистер Гупник... Да. Конечно... Да, непременно. Ждите меня. – Он убрал телефон в сумку. – Ладно. Мне пора бежать. Добро пожаловать в команду!

– А сколько человек в этой нашей команде? – спросила я, но он уже стоял в дверях с пальто в руках.

– Первый большой фиолетовый код намечается через две недели. Поняла? Я отправлю тебе имейл. И носи в нерабочее время нормальную одежду! А иначе будешь похожа на девушку из сетевого экосупермаркета.

День прошел как в тумане. Двадцать минут спустя мы вышли из дому и сели в ожидающий автомобиль, который доставил нас в шикарный салон в нескольких кварталах от «Лавери», при этом я усиленно делала вид, будто мне не привыкать ездить в больших черных авто с кремовыми кожаными сиденьями. Я сидела в сторонке и смотрела, как парикмахерша со стрижкой, будто сделанной с помощью линейки, моет и укладывает Агнес волосы. Час спустя водитель отвез нас к дантисту, где мне опять пришлось ждать в приемной. Обстановка во всех местах, которые мы сегодня посетили, была умиротворяющей и изысканной. Другой мир, где не было и намека на то безумие, что творилось на улицах вокруг.

По такому случаю я выбрала наименее кричащий наряд: темно-синюю блузу с якорями и полосатую юбку-карандаш, хотя, похоже, можно было и не трудиться, так как повсюду я мгновенно становилась человеком-невидимкой, словно у меня на лбу вытатуировали слово «ОБСЛУГА». Я научилась сразу замечать других личных помощников, расхаживающих взад-вперед с сотовыми телефонами в руках или вбегающих в приемную с пакетами из химчистки и картонными упаковками кофе из специализированных кофеен. Интересно, мне тоже следовало принести Агнес кофе или нужно делать все строго по списку? Большую часть времени я вообще не понимала, зачем здесь нахожусь. Все работало как часы и без моей помощи. Похоже, для Агнес я была своеобразным защитным барьером – живым щитом, отделяющим ее от остального мира.

Между тем, когда Агнес вернулась в автомобиль, вид у нее был расстроенный, она или разговаривала по-польски по сотовому, или просила меня записать кое-какие вещи в планшете: «Нам нужно узнать у Майкла, отдали ли в химчистку серый костюм Леонарда. И возможно, позвонить миссис Левитски насчет моего платья от „Живанши“. Мне кажется, я немного похудела с тех пор, как надевала его в последний раз. Может, она чуть-чуть ушьет его». Агнес порылась в необъятной сумке «Прада», достала блистер с таблетками, две сунула в рот.

– Воды! – (Отыскав бутылку с водой в кармане двери автомобиля, я отвинтила крышку и протянула бутылку Агнес.) – Благодарю.

Водитель – мужчина средних лет с густыми темными волосами и полными и обвислыми щеками, колыхавшимися при каждом движении, – вышел, чтобы открыть Агнес дверь.

Когда Агнес исчезла в ресторане, где швейцар приветствовал ее как родную, я собралась было последовать за ней, но водитель заблокировал дверь. Я осталась на заднем сиденье.

С минуту я просто сидела, пытаюсь отгадать, что мне следует делать.

Затем проверила телефон. Посмотрела в окно в поисках магазина, где можно было бы купить сэндвич. Нетерпеливо притопнула ногой. И, не выдержав, протиснулась вперед между спинками кресел переднего сиденья:

– Мой папа, когда ходил в паб, вечно оставлял нас с сестрой в машине. Он приносил нам оттуда кока-колу и упаковку маринованного лука «Монстр Мунк», чего вполне хватало, чтобы успокоить нас на три часа. – Я побарабанила пальцами по коленке. – Сейчас за это вполне могут вменить жестокое обращение с детьми. Учтите, маринованный лук «Монстр Мунк» был нашим любимым лакомством. Во все дни недели.

Водитель ничего не ответил.

Я наклонилась еще ближе, мое лицо оказалось всего в нескольких дюймах от его.

– Итак. Сколько времени это обычно занимает?

– Сколько нужно, столько и занимает. – Он посмотрел в зеркало заднего вида, стараясь не встречаться со мной глазами.

– И вы все это время ждете в машине?

– Работа такая.

Подумав с минуту, я просунула руку между спинками кресел:

– Я Луиза. Новая помощница миссис Гупник.

– Приятно познакомиться, – не оборачиваясь, буркнул он.

Это были его последние слова, обращенные ко мне. Он вставил CD-диск в приемник.

– *Estoy perdido*, – произнес по-испански женский голос. – *¿Dónde está el baño?*²

– Эс-ТОЙ пер-ДИ-до. ДОН-де ест-ТА эль БАНЬО, – повторил водитель.

– *¿Cuánto cuesta?*³

– Куан-то КВЕС-та, – произнес водитель.

Весь следующий час я сидела на заднем сиденье, тарасилась в айпад, стараясь не слушать лингвистические экзерсисы водителя, и гадала, нужно ли мне тоже заняться чем-то полезным. В результате я отправила Майклу имейл с этим вопросом, на что он написал:

Пупсик, это твой перерыв на обед. Наслаждайся! Целую.

Мне не хотелось сообщать ему, что у меня нет еды. В тепле стоящей на месте машины меня окончательно разморило, и усталость в очередной раз накатила, как морской прибой. Я прислонила голову к окну, уговаривая себя, что это нормально – чувствовать себя выбитой из колеи, будто я взялась не за свое дело. *Поначалу тебе будет не по себе в изменившемся мире. Покидать уютное гнездышко всегда непривычно.* Строки из письма Уилла эхом отдавались у меня в голове.

А затем – пустота.

Я проснулась в испуге, когда открылась дверь. В автомобиль садилась Агнес, очень бледная и натянутая как струна.

– Все в порядке? – поспешно выпрямившись, поинтересовалась я, но она не ответила.

Машина тронулась с места, в салоне повисла тягостная тишина, прохладный воздух, казалось, звенел от возникшего напряжения.

Агнес повернулась ко мне. Я нашарила бутылку с водой и предложила ей.

– У тебя есть сигареты?

– Э-э-э... нет.

– Гарри, у тебя есть сигареты?

– Нет, мэ. Но мы можем купить для вас.

² Я заблудился. Где туалет? (исп.)

³ Сколько стоит? (исп.)

Только сейчас я заметила, что у нее трясутся руки. Она залезла в сумочку, достала бутылочку с таблетками, я снова протянула ей бутылку с водой. Она молча проглотила несколько таблеток, в глазах у нее стояли слезы. Гарри припарковался возле аптеки «Дьюан Рид», и я поняла, что сейчас мой выход.

– А какие? Я хочу сказать, какой марки?

– «Мальборо лайтс», – промокнув глаза, ответила Агнес.

Я выпрыгнула, а скорее, вывалилась кулем из машины, поскольку ноги до сих пор болели после утренней пробежки, и купила пачку «Мальборо», не переставая удивляться, что в аптеке продают сигареты. Когда я вернулась, Агнес на кого-то орала по телефону по-польски. Закончив разговор, она открыла окно, прикурила сигарету, сделала глубокую затяжку. После чего предложила мне закурить. Я отказалась.

– Только не говори Леонарду, – попросила Агнес, ее лицо сразу как-то смягчилось. – Он терпеть не может, когда я курю.

Несколько секунд мы просто сидели, двигатель работал, а Агнес курила, делая короткие сердитые затяжки, и я даже испугалась за ее легкие. Затем Агнес затушила окурок – ее губы кривились от едва сдерживаемой внутренней ярости – и махнула Гарри, приказывая ехать.

У Агнес был урок игры на фортепиано, и на короткое время я оказалась предоставлена самой себе. Я ретировалась в свою комнату и стала подумывать о том, чтобы прилечь, но, побоявшись, что одеревеневшие ноги не позволят мне встать с постели, села за письменный столик, отправила Сэму короткий имейл и проверила расписание на следующие несколько дней.

И пока я занималась своими делами, квартира наполнилась музыкой: сначала это были гаммы, но потом – нечто очень мелодичное и прекрасное. Я прервалась, чтобы послушать, наслаждаясь чарующими звуками. Как это, должно быть, чудесно – рождать подобную красоту! Я закрыла глаза, пропуская через себя музыкальное произведение и вспоминая тот вечер, когда Уилл впервые пригласил меня на концерт, чтобы я смогла открыть для себя новый мир. Живая музыка оказалась гораздо объемнее, чем в записи, и у меня тогда словно что-то замкнуло внутри. Дивная музыка, что лилась из-под пальцев Агнес, казалось, исходила из потайного уголка ее израненной души, наглухо закрытого во время повседневного общения с миром. «Ему бы это понравилось, – рассеянно подумала я. – Ему бы здесь точно понравилось». И в самый кульминационный момент Илария включила пылесос, который, ударяясь о тяжелую мебель, заглушал магические звуки пронзительным ревом. Музыка смолкла.

У меня завибрировал телефон.

Пожалуйста, попроси ее выключить пылесос!

Я встала из-за стола и отправилась на поиски Иларии.

Домоправительница, сосредоточенно качая головой, с остервенением толкала туда-сюда пылесос прямо под дверь кабинета Агнес. Я тяжело слотнула. В Иларии было нечто такое, что заставляло тебя хорошенько подумать, прежде чем вступать с ней в конфронтацию, хотя она и относилась к тому немногочисленному числу людей, которые находились еще ниже на здешней социальной лестнице, чем я.

– Илария, – начала я.

Она продолжала пылесосить.

– Илария! – Я встала прямо перед ней, лишив ее возможности меня игнорировать. Она пяткой выключила пылесос и смерила меня злобным взглядом. – Миссис Гупник просила, если не возражаешь, пропылесосить дом в другое время. Ты мешаешь ей музицировать.

– И когда, интересно, мне убирать квартиру? – огрызнулась Илария с явным расчетом, что ее услышат за дверью.

– Хм... Может, в любое другое время дня, за исключением этих конкретных сорока минут?

Илария выдернула шнур из розетки и с шумом поволокла пылесос по паркету. Она посмотрела на меня с такой ненавистью, что я даже попятилась. Короткая пауза – и дом снова наполнился музыкой.

Когда двадцать минут спустя Агнес наконец вышла из кабинета, она скользнула по мне взглядом и улыбнулась.

Первая неделя прошла с переменным успехом, как и мой первый день. Я ловила сигналы Агнес – в свое время моя мама именно так следила за нашим псом, у которого к старости ослаб мочевого пузыря. Ей нужно выйти из дому? Чего она хочет? Где мне следует быть? Каждое утро я бегала трусцой с Агнес и Джорджем. Примерно через милю махала им рукой, показывала на бедро и медленно брела домой. И вообще, я кучу времени проводила в холле, а когда кто-нибудь проходил мимо, принималась увлеченно изучать айпад, чтобы не думали, будто я бью баклуши.

Майкл, появлявшийся каждый день, инструктировал меня торопливым шепотом. Казалось, вся его жизнь проходила в бегах между этой квартирой и офисом мистера Гупника на Уолл-стрит: к уху вечно прижат один из двух сотовых, на локте висит пакет из химчистки, в руках стакан кофе. Майкл был само очарование и всегда улыбался, но я понятия не имела, нравлюсь я ему или нет.

Натана я практически не видела. Похоже, его основной обязанностью было подстраиваться под график мистера Гупника. Иногда Натан работал с ним в пять утра, иногда – в семь вечера, а при необходимости приезжал в офис. «Меня наняли не затем, чтобы я делал то, что делаю, а затем, чтобы я делал то, что *могу* делать», – объяснял Натан. Время от времени Натан исчезал, и уже после я обнаруживала, что он улетел на ночь глядя с мистером Гупником в Сан-Франциско или Чикаго. У мистера Гупника была тяжелая форма артрита, с которым надо было непрерывно работать, чтобы держать болезнь под контролем, поэтому в дополнение к курсу противовоспалительной и обезболивающей терапии они с Натаном плавали и разрабатывали суставы по несколько раз в день.

Помимо Натана и Джорджа, тренера, который также приходил по утрам каждый божий день, за первую неделю в доме побывали:

Уборщики. Очевидно, существовала некоторая разница между тем, чем занималась Илария (домашней работой), и настоящей уборкой. Дважды в неделю бригада из одетых в униформу трех женщин и одного мужчины атаковали апартаменты в стиле блицкрига. Каждый из них приносил с собой коробку с экологически чистыми моющими средствами. Уборщики практически не разговаривали и лишь изредка отрывисто консультировались с напарниками. Через три часа они уходили, оставляя Иларию нюхать воздух и неодобрительно проводить пальцами по плинтусам.

Флорист, прибывший в фургоне в понедельник утром с огромными вазами тщательно аранжированных цветов, которые нужно было расставить с соблюдением стратегических интервалов в местах общего пользования. Некоторые из ваз оказались настолько большими, что их несли двое подручных, снявших перед дверью обувь.

Садовник. Да-да, честное слово! Сперва я отреагировала на него несколько истерически («А вы действительно понимаете, что мы живем на втором этаже?»), но затем обнаружила на заднем фасаде дома длинные балконы с миниатюрными деревьями и цветами в горшках, которые садовник полил, подрезал и удобрil, после чего незаметно исчез. Балкон и впрямь смотрелся очень красиво, но, кроме меня, на него никто не выходил.

Бихевиорист для домашних животных. Крошечная, похожая на птичку японочка появилась в пятницу в десять утра. Битый час она наблюдала за Феликсом издалека, потом обсле-

довала его еду, его поддон, места, где он спал, расспросила Иларию о его поведении, сделала рекомендации по поводу игрушек, проверила высоту и прочность шеста, о который Феликс драл когти. Все то время, что японская дама была здесь, Феликс ее игнорировал, более того, он с оскорбительным энтузиазмом принялся демонстративно вылизывать у себя под хвостом.

Бригада по доставке продовольственных товаров приходила дважды в неделю. Они приносили с собой большие зеленые ящики свежих продуктов, которые распаковывали под прищотром Иларии. Как-то раз я случайно увидела счет: этих денег хватило бы, чтобы кормить мою семью и, возможно, половину района в течение нескольких месяцев.

И это не считая маникюриши, дерматолога, учителя музыки, автомеханика, рабочего, который обслуживал здание; он менял перегоревшие лампочки и отлаживал кондиционеры. Стройная, как тростинка, рыжеволосая дама приносила огромные пакеты из магазинов «Бергдорф Гудман» или «Сакс Пятая авеню». Она буравила взглядом все, что примеряла Агнес, заявляя: «Нет. Нет. Нет. Ой, дорогая, просто идеально. Что ж, очень мило. Может, вы будете носить это с той маленькой сумочкой „Прада“, которую я показала вам на прошлой неделе? Ну а теперь, что мы будем делать с этим платьем для торжественного вечера?»

А еще были: виноторговец; человек, развешивавший картины; женщина, которая чистила шторы, и мужчина, который натирал паркетные полы в главной гостиной какой-то похожей на газонокосилку штуковиной, ну и остальные – так, по мелочам. Мало-помалу я привыкла видеть вокруг себя незнакомых людей. За первые две недели, похоже, не было и дня, чтобы в квартире находилось одновременно меньше пяти человек.

Одним словом, не дом, а лишь одно название. Для меня, Натана, Иларии и безразмерной команды наемных работников, служащих и прихлебателей, которые толклись здесь от зари до темна, апартаменты эти были скорее рабочим местом. Иногда после ужина процессия одетых в костюмы коллег мистера Гупника шествовала в его кабинет, а примерно час спустя появлялись, бормоча что-то о звонках в Вашингтон, округ Колумбия, или в Токио. Мистер Гупник, казалось, работал двадцать четыре часа в сутки, если не считать того времени, что проводил с Натаном.

Иногда я провожала глазами Агнес, которая посреди дня закрывала за собой дверь гардеробной комнаты – предположительно единственного места, где она могла уединиться, – и задавала себе вопрос: а была ли эта квартира хоть когда-нибудь просто домом?

Вот потому-то, решила я, они и исчезают на время уик-энда. Хотя, конечно, и в загородном доме, по идее, должна быть прислуга.

– Не-а. Это единственный случай, когда ей удалось настоять на своем, – ответил на мой вопрос Натан. – Она велела отдать загородную резиденцию его бывшей жене. И уговорила умерить амбиции и купить взамен что-нибудь попроще: скромный домик на побережье. Три спальни. Одна ванная. И никакого обслуживающего персонала. – Натан покачал головой. – А следовательно, никакой Таб. Агнес далеко не дура.

– Привет!

Сэм был в форменной одежде. Сделав в уме кое-какие прикидки, я поняла, что он только что вернулся после дежурства. Он взъерошил волосы и наклонился к экрану, желая разглядеть меня получше. И как всегда во время наших разговоров после моего отъезда, внутренний голос начал меня донимать: «Зачем ты уехала на другой континент от этого человека?!»

– Ты что, только что пришел?

– Да, – вздохнул Сэм. – Не самый лучший день для возвращения на работу.

– Почему?

– Донна уволилась.

Я не могла скрыть потрясения. Донна – прямолинейная, забавная, невозмутимая – и Сэм были точно инь и ян, она служила ему якорем, голосом разума. Невозможно было представить их друг без друга.

– Что? Почему?

– У ее отца рак. Прогрессирующий. Неоперабельный. Она хочет ухаживать за отцом.

– Боже мой! Бедная Донна! Бедный отец Донны!

– Да. Тяжелая история. А теперь придется ждать и смотреть, кого мне дадут в напарники. Не думаю, что дадут новичка. Ну ты понимаешь, из-за всех моих дисциплинарных взысканий. Полагаю, это будет кто-нибудь с другого участка.

Со времени нашего знакомства Сэма уже дважды разбирали на дисциплинарной комиссии. По крайней мере одно нарушение он совершил из-за меня, и я невольно почувствовала укол совести.

– Тебе будет ее не хватать.

– Ага. – Выглядел Сэм не лучшим образом, и мне захотелось просунуть руку в экран, чтобы обнять Сэма. – Она меня спасла.

Сэм не отличался склонностью к пафосным заявлениям, и эти три слова пронзили мне сердце. Я как сейчас помню ту страшную ночь: Сэм, истекающий кровью после огнестрельного ранения на полу «скорой», и спокойная, собранная Донна, отдающая мне отрывистые приказания. Именно она держала в своих руках до приезда врачей тонкую нить его жизни. Помню кислый, металлический привкус страха во рту и отвратительное ощущение теплой крови на ладонях. Я содрогнулась, отгоняя от себя этот образ. Я не хотела, чтобы Сэму подставлял плечо кто-то другой. Они с Донной были командой. И оба знали, что напарник их не подведет. Хотя вечно подкалывали друг друга.

– А когда она увольняется?

– На следующей неделе. Ее освободили от обязательной отработки с учетом семейных обстоятельств, – вздохнул Сэм. – Ну ладно, теперь давай о хорошем. Твоя мама пригласила меня в воскресенье на ланч. Вроде бы собирается приготовить ростбиф с гарниром. Ой, и твоя сестра попросила меня заглянуть к ней домой. Только не надо на меня так смотреть! Она хотела, чтобы я помог ей слить батарею.

– Ну, началось. Ты реально попал. Моя семья поймает тебя, как венерина мухоловка.

– Как-то странно идти туда без тебя.

– Может, мне стоит вернуться домой? – (Он попытался улыбнуться, но не смог.) – Что?

– Ничего.

– Давай говори.

– Я не знаю... У меня такое чувство, будто я потерял сразу двух любимых женщин.

В горле внезапно встал ком. Между нами повис призрак третьей женщины, которую он потерял, – его сестры, умершей от рака два года назад.

– Сэм, ты не должен...

– Не обращай внимания. Некрасиво с моей стороны.

– Я по-прежнему вся твоя. А разлука – это ненадолго.

– Не думал, что мне будет так тяжело, – устало вздохнул Сэм.

– Теперь я даже не знаю, радоваться мне или огорчаться.

– Ладно, со мной все будет в порядке. Просто не самый удачный день.

Секунду-другую я наблюдала за Сэмом, после чего заявила:

– Вот такой план. Сперва ты идешь и кормишь кур, потому что это действует на тебя успокаивающе. Природа всегда действует умиротворяюще и все такое.

Сэм немного приободрился:

– Ну а потом?

– Ты приготовишь себе свой нереально вкусный соус болоньезе. Тот, что занимает кучу времени: с вином, беконом и прочим. Потому что невозможно чувствовать себя паршиво после роскошных спагетти с соусом болоньезе.

– Куры. Соус. Что дальше?

– Затем ты включишь телевизор и найдешь действительно хороший фильм. Тот, что позволит тебе забыться. И никаких реалити-шоу. Что-нибудь такое, где нет рекламы.

– Вечернее лекарственное средство от Луизы Кларк. Мне нравится.

– А потом... – Я сделала паузу. – Потом ты должен думать о том, что еще три недели с небольшим – и мы увидимся. А это значит... Та-дам! – Я задрала майку.

Жаль, я не могла предвидеть, что в этот самый момент Илария принесет мне выстиранное белье. Она остановилась, с полотенцами под мышкой, и буквально окаменела, увидев мою голую грудь и мужское лицо на экране компьютера. После чего, что-то пробормотав себе под нос, она быстро захлопнула дверь. Я поспешила прикрыться.

– Эй?! – Сэм ухмылялся, пытаясь увидеть, что у меня тут происходит. – Что случилось?

– Домоправительница. – Я одернула майку. – Боже мой!

Сэм откинулся на спинку стула. Теперь он уже откровенно смеялся, держась рукой за живот, чтобы не разошелся шов.

– Ты не понимаешь. Она меня ненавидит.

– Ну а теперь ты Мадам Веб-кам. – Он продолжал смеяться.

– Теперь все домоправительницы от Нью-Йорка до Палм-Спрингса навечно заклеят позором мое имя! – Я не выдержала и захихикала, заразившись его смехом.

– Лу, ты сделала это, – ухмыльнулся Сэм. – Ты реально подняла мне настроение.

– Что ж, тогда я тебя сильно расстрою. Это был первый и последний раз, когда я показывала тебе свои прелести по WiFi.

Сэм наклонился, чтобы послать мне воздушный поцелуй:

– Ну ладно. По крайней мере, нам еще крупно повезло, что это была ты, а не я.

После инцидента с веб-камерой Илария не разговаривала со мной два дня кряду. Когда я входила в комнату, она тут же отворачивалась и шарахалась в сторону, словно опасаясь, что, поймав мой взгляд, может заразиться от меня вульгарной привычкой развратно демонстрировать голую грудь.

Натан поинтересовался, что между нами произошло, когда Илария подтолкнула ко мне чашку кофе кухонной лопаточкой, но я не знала, как объяснить, чтобы это не прозвучало еще хуже, чем было на самом деле. Поэтому я невнятно пробормотала что-то насчет чистого белья и необходимости врезать замки в наши двери – в тайной надежде, что потом все как-нибудь само собой рассосется.

Глава 4

Кому: KatClark!@yahoo.com

От кого: BusyBee@gmail.com

Привет! Сама ты Вонючая Задница!

(Разве пристало уважаемой бухгалтерше так разговаривать с путешествующей по миру сестрой?!)

Я хорошо, спасибо. Моя хозяйка – Агнес – моих лет и очень милая. И это плюс. Ты не поверишь, где мне пришлось побывать! Прошлым вечером я ходила на бал в платье, которое стоит больше моей месячной зарплаты. Я натурально чувствовала себя Золушкой. Правда, в отличие от Золушки, у меня реально классная сестра. (Что явно нечто новенькое. Ха-ха-ха!)

Рада, что Тому нравится в новой школе. Насчет рисунков фломастером на стене можешь не волноваться. Стену всегда можно перекрасить. Мама говорит, что это у него такой креативный способ самовыражения. Ты в курсе, что она пытается уговорить папу пойти на вечерние курсы, чтобы он научился самовыражению? И он вбил себе в голову, что она собирается заставить его заниматься тантрической любовью. Одному Богу известно, где он об этом вычитал. А когда он мне позвонил, я наврала, будто мама именно об этом мне и говорила, и теперь чувствую себя немного виноватой, потому что он в диком трансе, так как боится вынимать своего старого друга на глазах у полной комнаты незнакомцев.

Сообщай мне новые подробности. Особенно насчет даты!!

Скучаю.

Лу. ххх

P. S. Если папа действительно вынет своего старого дружка на глазах у полной комнаты незнакомцев, я не хочу НИЧЕГО об этом знать.

Судя по расписанию светских мероприятий Агнес, многие из них были яркими событиями в светской жизни Нью-Йорка, однако обед Благотворительного фонда Нила и Флоренс Стрейджер считался самым престижным. Гости были все в желтом, мужчины при галстуках, за исключением отдельных эпатазирующих личностей. Фотографии этого события появились во всех печатных изданиях – от «Нью-Йорк пост» до «Харперс базар». Обязательный дресс-код. От желтых нарядов слепило глаза, а билеты стоили без малого тридцать тысяч долларов за столик. Причем в дальнем конце зала. Я была в курсе, потому что наводила справки о любом мероприятии, на которое приглашали Агнес. Это было самым значительным и не только по масштабу необходимых приготовлений (маникюрша, парикмахер, массажист, дополнительные занятия с Джорджем по утрам), но и по степени нервного напряжения Агнес. Она буквально физически вибрировала на протяжении всего дня, орала на Джорджа, что не может делать упражнения, которые он показывает, не может пробежать дистанцию. *Невозможно*, и точка. Джордж, обладавший неистощимыми запасами чуть ли не буддистского спокойствия, сказал, что все отлично, и они повернули назад, поскольку, если верить Джорджу, эндорфинов после прогулки тоже вполне достаточно. Уходя, он подмигнул мне, словно ничего другого и не ожидал.

Мистер Гупник, возможно вняв отчаянному призыву жены, вернулся домой в обеденное время и обнаружил, что она заперлась в гардеробной комнате. Я забрала у Ашока вещи из

химчистки, отменила запись на процедуру отбеливания зубов и устроилась в холле, не зная, что делать дальше. Когда мистер Гупник открыл дверь, я услышала ее сдавленный голос:

– Я не хочу туда идти.

Похоже, все, что она потом наговорила мужу, заставило его задержаться дома дольше, чем я ожидала. Натана не оказалось на месте, и я не знала, с кем посоветоваться. Ко мне подошел Майкл, оглядел закрытую дверь:

– Он еще здесь? Мой тракер не работает.

– Тракер?

– На телефоне. Единственный способ определить, где находится мистер Гупник.

– Он в ее гардеробной комнате. – Я не знала, насколько можно доверять Майклу, а потому не стала продолжать, но очень трудно было игнорировать доносящиеся из-за двери громкие голоса. – Не уверена, что миссис Гупник жаждет туда пойти.

– Фиолетовый код. Я тебе говорил. – (И тут я действительно вспомнила.) – Бывшая миссис Гупник. Это ее большой выход в свет, о чем Агнес прекрасно осведомлена. Вот такие дела. Все старые гарпии там будут. А их точно не назовешь слишком дружелюбными.

– Ну, это многое объясняет.

– Он крупный благотворитель, поэтому не может не показаться. И, кроме того, они со Стрейджерами старые друзья. Но это самый тяжелый вечер в ее расписании. В прошлом году была просто жуть.

– Почему?

– Ах, она пошла туда, как агнец на заклание. – Майкл скорчил рожу. – Думала, они станут ее новыми лучшими друзьями. Как я узнал уже потом, они буквально *поджарили* ее живьем.

Я содрогнулась:

– А он не может пойти туда без нее?

– Ох, солнышко, ты не знаешь здешних порядков. Нет, нет и нет. Она должна идти. Она должна надеть на лицо улыбку и фотографироваться для журналов. Теперь это ее работа. И она знает. Хотя вечер явно будет не из приятных.

Разговор за дверью пошел на повышенных тонах. Мы услышали, как Агнес громко возражает, а мистер Гупник умоляющим голосом ее урезонивает.

Майкл посмотрел на часы:

– Я, пожалуй, вернусь в офис. Можешь сделать мне одолжение? Отправь сообщение, когда он уйдет. Мне нужно, чтобы до пятнадцати часов он подписал пятьдесят восемь бумаг. Я тебя люблю! – Майкл послал мне воздушный поцелуй и удалился.

Я старалась не прислушиваться к перепалке за дверью гардеробной комнаты. В очередной раз прокрутила календарь, прикидывая, что бы такого сделать полезного. Мимо важно прошел Феликс – поднятый хвост, как знак вопроса, – которому было в высшей степени наплевать на кипящие вокруг человеческие страсти.

Потом дверь внезапно открылась. Мистер Гупник увидел меня.

– А-а, Луиза. Ты не могла бы зайти на минуточку? – (Я встала и пошла, периодически переходя на бег, ему навстречу. Что было нелегко, так как от долгого сидения у меня свело мышцы.) – Луиза, я хочу узнать, ты свободна сегодня вечером?

– Свободна?

– Чтобы пойти на вечер. Благотворительный.

– Э-э-э... Конечно. – Я с самого начала знала, что у меня будет ненормированный график. И по крайней мере сегодня я точно не наткнусь на Иларию. Я загружу какой-нибудь фильм в айпад и посмотрю в машине.

– Ну вот. Что скажешь, дорогая?

Глаза у Агнес были заплаканные.

– А она сможет сесть рядом со мной?

– Я постараюсь выяснить. – (Она прерывисто вздохнула.) – Ну ладно. Думаю, что да.

– Сесть рядом со...

– Хорошо-хорошо! – Мистер Гупник проверил свой телефон. – Все. Мне действительно надо бежать. Встретимся в главном бальном зале. В семь тридцать. Если переговоры по конференц-связи закончатся раньше, я дам тебе знать. – Он подошел к Агнес, взял ее лицо в ладони и поцеловал. – Ты в порядке?

– В порядке.

– Я люблю тебя. Очень, очень. – Очередной поцелуй – и мистер Гупник исчез.

Агнес сделала еще один глубокий вдох. Положила руки на колени. Посмотрела на меня:

– У тебя есть желтое бальное платье?

Я вытаращила на нее глаза:

– Хм, нет. На самом деле у меня плоховато с бальными платьями.

Она оглядела меня с головы до ног, словно пытаюсь понять, влезу ли я в какой-нибудь из ее нарядов. Думаю, мы обе прекрасно знали ответ. Тогда она выпрямилась и решительно произнесла:

– Позвони Гарри. Мы едем в «Сакс».

Полчаса спустя я стояла в примерочной, а две продавщицы пытались втиснуть мой бюст в платье без бретелек цвета несоленого масла. На что я саркастически заметила, что в последний раз, когда меня так щупали в интимных местах, я настояла на немедленной помолвке. Никто не засмеялся.

Агнес нахмурилась:

– Слишком похоже на подвенечное платье. И оно толстит ее в талии.

– Миссис Гупник, у нас есть отличные корректирующие трусики.

– Ой, не уверена, что я...

– А у вас есть что-нибудь в духе пятидесятых? – спросила Агнес, вертя в руках телефон. – Потому что это слишком врезается в талию и не ее роста. А у нас совершенно нет времени на подгонку.

– Мэм, во сколько начало вечера?

– Мы должны быть там в семь тридцать.

– Миссис Гупник, мы все успеем к нужному времени. Я попрошу Терри доставить вам его к шести часам.

– Тогда давайте примерим вот это, цвета подсолнуха, и вон то, с блестками.

Если бы я знала, что в тот день буду впервые в жизни примерять платья за три тысячи долларов, то не стала бы надевать смешные штанишки с нарисованной таксой и бюстгальтер, который держался на английской булавке. Интересно, сколько раз за одну неделю можно успеть продемонстрировать грудь идеальным незнакомцам? И еще, видели ли они когда-нибудь тело вроде моего, в реально жирных складках? Продавщицы были слишком хорошо воспитаны, чтобы комментировать мою фигуру, если, конечно, не считать постоянных намеков насчет корректирующего белья. Они просто приносили платье за платьем, двигая меня туда-сюда, словно пастухи, гонящие скот на выпас, пока наконец Агнес, сидевшая на стуле с мягкой обивкой, не сказала:

– Да! То, что нужно! Как думаешь, Луиза? И даже длина, с учетом тюлевой нижней юбки, просто идеальна.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале. Талия затянута вшитым корсетом, грудь вздымается двумя идеальными округлостями. Желтый цвет придавал коже мягкое сияние, а юбка удлиняла ноги до неузнаваемости. Ну а тот факт, что я практически не могла дышать, уже не имел значения.

– Мы сделаем тебе высокую прическу и подберем какие-нибудь сережки. Идеально!

– И на это платье двадцать процентов скидки, – заметила одна из продавщиц. – Каждый год сразу после бала у Стрейджеров спрос на желтые платья резко снижается...

Я даже немного сдулась от облегчения. А потом посмотрела на ценник, где значилось \$ 2575. Месячная зарплата. Должно быть, Агнес заметила мое вытянувшееся лицо, поскольку, махнув рукой продавщице, сказала:

– Луиза, иди переодевайся. У тебя есть подходящие туфли? Мы можем забежать в обувной отдел.

– Туфли есть. Полно туфель. – У меня действительно были золотые атласные танцевальные туфли на каблучке, которые вполне подходили. И мне совсем не хотелось увеличивать цифру на чеке.

Я вернулась в кабинку, осторожно вылезла из платья, ощущая его медленно оседающую на пол дорогостоящую тяжесть, и, пока одевалась, услышала, как Агнес попросила принести сумочку и какие-нибудь серьги, после чего заявила:

– Припишите это к моему счету.

– Конечно, миссис Гупник.

Мы встретились у кассы. Покинув магазин с пакетами в руках, я спросила Агнес:

– Итак, вы, наверное, хотите, чтобы я была предельно осторожной? – (Она удивленно посмотрела на меня.) – С платьем. – Увидев, что она по-прежнему смотрит на меня как баран на новые ворота, я понизила голос: – Дома мы засовываем этикетку внутрь, чтобы можно было на следующий день вернуть вещь. Естественно, если на ней нет винных пятен и она не провоняла табаком. Хотя тогда можно опрыскать освежителем воздуха.

– Вернуть?

– Ну да, в магазин.

– А зачем нам это делать? – спросила она, когда мы сели в автомобиль и Гарри положил пакеты в багажник. – Луиза, расслабься. Думаешь, я не знаю, что ты сейчас чувствуешь? Когда я приехала сюда, у меня вообще ничего не было. Мы с подругами даже одалживали друг другу одежду. Но когда ты будешь сидеть рядом со мной сегодня вечером, на тебе должно быть хорошее платье. Только не униформа. И я буду счастлива оплатить твой наряд.

– Ладно.

– Ты ведь понимаешь? Да? Сегодня ты не будешь обслуживающим персоналом. И это очень важно.

Я вспомнила о внушительном пакете в багажнике автомобиля, медленно прокладывающего себе путь в транспортном потоке Манхэттена, и в очередной раз удивилась неожиданному повороту сегодняшних событий.

– Леонард говорит, ты ухаживала за мужчиной, который потом умер.

– Ухаживала. Его звали Уилл.

– Он говорит, ты очень ответственная.

– Я стараюсь.

– А еще, что ты здесь никого не знаешь.

– Только Натана.

– Натан. По-моему, он хороший человек, – немного подумав, сказала Агнес.

– Очень хороший.

– Ты говоришь по-польски? – поинтересовалась Агнес.

– Нет, – ответила я и поспешно добавила: – Но возможно, могу научиться, если хотите...

– Луиза, знаешь, что для меня самое трудное? – (Я покачала головой.) – Я не знаю, кто я такая... – Поколебавшись, она явно решила сменить тему. – Мне нужно, чтобы сегодня ты стала моей подругой. Хорошо? Леонард... Ему придется выполнять свою работу. Бесконечные разговоры с другими мужчинами. Но ты ведь будешь со мной, да? Рядом со мной.

– Как пожелаете.

– А если кто-нибудь спросит, ты моя старая подруга. Мы подружились, когда я жила в Англии. Знакомы... знакомы еще со школы. Не моя помощница. Договорились?

– Все поняла. Со школы.

Мой ответ, похоже, ее устроил. Она кивнула и откинулась на спинку сиденья. И пока мы ехали домой, больше не проронила ни слова.

Отель «Нью-Йорк палас», где проходил гала-вечер фонда Стрейджеров, был величествен до абсурда: сказочная крепость с внутренним двором и арочными окнами и множеством ливрейных лакеев в бледно-желтых штанах до колена. Казалось, авторы этой неземной красоты объездили европейские гранд-отели, взяв на заметку резные карнизы, мраморные вестибюли, ювелирную позолоту, после чего решили соединить все вместе, присыпав сверху волшебной пылью из диснеевских мультиков и уже от себя добавив элементы гротеска. В глубине души я ожидала увидеть карету из тыквы и потерянную хрустальную туфельку на устилавшем лестницу красном ковре. Пока мы поднимались наверх, я во все глаза таращилась на сияющий интерьер, мерцающие огни, море желтых платьев и меня разбирал смех, но Агнес была так напряжена, что я сдержалась. А кроме того, мой корсаж оказался слишком тугим, и я опасалась за прочность швов.

Гарри высадил нас у главного входа – на повороте, забитом большими черными лимузинами. Мы прошли мимо толпы зевак на боковой дорожке. Служитель взял наши пальто, и я впервые смогла полностью разглядеть платье Агнес.

Агнес выглядела сногшибательно. На ней было не обычное бальное платье вроде моего или как у других женщин, а неоновое-желтое, структурированное платье-футляр до полу, с высоким кружевным украшением на одном плече. Волосы туго затянуты назад и безжалостно зализаны, в ушах – огромные золотые серьги с желтыми бриллиантами. Весьма экстравагантный наряд. И здесь, с испугом поняла я, это было некоторым перебором и не вполне уместно для старомодного величественного отеля.

Все головы тотчас же повернулись в сторону Агнес, матроны, в корсетах на косточках и в желтых шелках, презрительно косились на нее краешком тщательно накрашенных глаз.

Но Агнес, казалось, ничего не замечала. Она рассеянно озиралась по сторонам в поисках мужа. Я понимала, что она сможет расслабиться лишь после того, как возьмет его под руку. Когда я видела их вместе, то ощущала буквально осязаемое чувство облегчения, которое она испытывала, находясь возле него.

– У вас потрясающее платье, – сказала я.

Она посмотрела на меня так, словно впервые вспомнила о моем присутствии. Нас ослепили вспышки фотокамер. Я посторонилась, чтобы не заслонять Агнес, но фотограф меня остановил:

– И вы тоже, мэ. Вот так. И улыбнитесь.

Агнес улыбнулась и посмотрела на меня, будто желая удостовериться, что я все еще рядом.

И тут появился мистер Гупник. Он подошел чуть скованной походкой – Натан говорил, что у мистера Гупника была плохая неделя, – поцеловал жену в щеку и что-то прошептал на ухо, и она улыбнулась широкой, искренней улыбкой. Именно тогда я поняла, что два человека могут соответствовать определенным стереотипам, но при этом сохранять неподдельное наслаждение от общества друг друга. И меня неожиданно пронзила острая тоска по Сэму. Хотя было совершенно невозможно представить его в подобной обстановке, в смокинге и галстук-бабочке. И он наверняка чувствовал бы себя здесь не в своей тарелке.

– Ваше имя, пожалуйста? – Рядом со мной неожиданно возник фотограф.

Возможно, то, что я думала о Сэме, заставило меня это сделать.

– Луиза Кларк-Филдинг. – Я с трудом выжала из себя аристократический акцент. – Из Англии.

– Мистер Гупник! Прошу сюда, мистер Гупник!

Я посторопилась, смешавшись с толпой, пока фотографы снимали их обоих: его рука легко лежала на спине Агнес, а она расправила плечи и подняла подбородок, словно давая понять, что ей нечего бояться. А потом я заметила, что мистер Гупник ищет меня взглядом. Наши глаза встретились, и он поспешно подвел ко мне Агнес:

– Дорогая, мне необходимо кое с кем побеседовать. Ну как, вы без меня справитесь?

– Конечно, мистер Гупник, – сказала я небрежно, будто мне было не привыкать.

– А ты скоро вернешься? – Агнес продолжала держать его за руку.

– Мне нужно переговорить с Уэйнрайтом и Миллером. Я обещал им уделить десять минут, чтобы обсудить сделку с бондами.

Агнес покорно кивнула, но, судя по выражению лица, ей явно не хотелось отпускать мужа. Она ушла вперед, а мистер Гупник шепнул мне на ухо:

– Не позволяй ей слишком много пить. Она и так на взводе.

– Хорошо, мистер Гупник.

Он кивнул, задумчиво огляделся вокруг, потом с улыбкой повернулся ко мне.

– Ты чудесно выглядишь, – сказал он и скрылся в толпе.

В бальном зале яблоку негде было упасть – настоящее желто-черное море. На мне был браслет из черных и желтых бусинок, который перед моим отъездом из Англии подарила Лили, дочка Уилла. Жаль, что я не могла надеть любимые пчелиные колготки! Окружавшие меня дамы слишком серьезно относились к своему гардеробу и за всю жизнь, похоже, ни разу не экспериментировали с одеждой.

Меня буквально с порога поразила их неестественная худоба: костлявые ключицы выпирали из вырезов узких платьев, словно поручни. В Стортфолде женщины в определенном возрасте начинали потихоньку раздаваться вширь, маскируя лишние дюймы кардиганами или длинными джемперами («Скажи, он прикрывает задницу?»). Навести красоту для них означало в кои-то веки купить новую тушь или подправить сделанную шесть месяцев назад стрижку. В моем родном городе слишком пристальное внимание к своему внешнему виду вызывало подозрение или считалось проявлением нездорового интереса к себе.

Однако женщины в бальном зале выглядели так, словно уход за внешностью был для них самой настоящей работой на полный рабочий день. Волосы у всех до одной были уложены волосок к волоску, а верхняя часть рук подтянутая благодаря постоянным физическим упражнениям. Даже женщины неопределенных лет (огромное количество ботокса и филлеров практически не позволяло определить их возраст) выглядели так, будто понятия не имели о дряблых плечах и обвисших подмышках. Я вспомнила об Агнес, о ее персональном тренере, ее дерматологе, ее парикмахере и маникюрше и подумала: «Теперь это ее работа». Ей приходится поддерживать нужную форму, чтобы иметь возможность показаться здесь и продемонстрировать свою конкурентоспособность.

Агнес, с высоко поднятой головой, легко скользила среди гостей, улыбаясь друзьям своего мужа, которые подходили поздороваться и перебраться с ней парочкой слов. Что до меня, то я уныло плелась в арьергарде. Все друзья были исключительно мужского пола. И улыбались ей только мужчины. Что касается женщин, они были достаточно хорошо воспитаны, чтобы не шарахаться от нее. Нет, они просто делали вид, будто смотрят в другую сторону, что избавляло их от необходимости вступать с ней в непосредственный контакт. Я заметила, как каменеют лица других жен, когда Агнес проходила мимо, словно одно ее присутствие уже было своего рода грехом.

– Добрый вечер, – услышала я чей-то голос у себя над ухом.

Я подняла глаза и чуть не упала, неловко попятившись. Передо мной стоял Уилл Трейнор.

Глава 5

Потом я была даже рада, что в зале так много народу. Когда я врезалась в стоявшего поблизости человека, он инстинктивно протянул мне руку, и, словно по мановению волшебной палочки, еще несколько мужчин в смокингах пришли мне на помощь. Я вдруг увидела море улыбок и встревоженных лиц. Пока я извинялась и рассыпалась в благодарностях, до меня дошло, что я ошиблась. Конечно, это был не Уилл, хотя волосы были того же цвета и так же подстрижены, да и кожа того же карамельного оттенка. Должно быть, я слишком громко вздохнула, потому что мужчина, которого я приняла за Уилла, сказал:

– Простите, неужели я вас напугал?

– Я... Нет. Нет. – Я приложила руку к щеке, по-прежнему не сводя с него глаз. – Вы... вы просто очень похожи на одного человека, которого я знаю. Знала. – Я почувствовала, что краснею. Алое пятно на груди поднималось все выше, заливая лицо до корней волос.

– Вы в порядке?

– Господи! Отлично. У меня все отлично. – Теперь я чувствовала себя форменной идиоткой. Мое лицо буквально пылало.

– Вы англичанка.

– А вы нет.

– И даже не ньюйоркец. Я из Бостона. Джошуа Уильям Райан Третий. – Он протянул мне руку.

– Вас даже зовут так же, как его.

– Простите?

Я пожалала ему руку. Вблизи он совсем не был похож на Уилла. Глаза темно-карие, лоб более низкий. И тем не менее едва уловимое, но явное сходство напрочь выбило меня из колеи. С трудом оторвав взгляд, я поняла, что продолжаю держать его за руку.

– Извините. Я немного...

– Позвольте принести вам чего-нибудь выпить.

– Нет, не могу. Я должна быть с моей... с моей подругой. Вон там.

Он посмотрел на Агнес:

– Тогда я принесу выпить вам обеим. Тем более что вас... хм... будет нетрудно найти. – Он с ухмылкой тронул меня за локоть и ушел.

Я старалась не смотреть ему вслед.

Подойдя к Агнес, я увидела, как ее собеседника силой уволаскивает прочь жена. Агнес подняла руку, словно собираясь что-то ему ответить, но увидела лишь необъятную спину в смокинге. Она повернулась, ее лицо стало похожим на маску.

– Прошу прощения. Застряла в толпе.

– У меня неподходящее платье, да? – прошептала она. – Я сделала колоссальную ошибку. – Она наконец поняла: в этом людском море платье слишком бросалось в глаза и казалось скорее вульгарным, нежели авангардным. – Что мне делать? Это катастрофа. Мне необходимо переодеться.

Я попыталась прикинуть, успеет ли она заехать домой и вернуться обратно. Даже без учета пробок на все про все уйдет не меньше часа. А кроме того, имелся очень большой риск, что она вообще сюда не вернется.

– Нет! Нет, никакой катастрофы. Отнюдь. Все дело в том... – Я замялась. – Понимаете, вы должны вести себя как ни в чем не бывало.

– Что?

– Нести себя. Идти с гордо поднятой головой. Словно вам глубоко насрать. – (Агнес выпучила от удивления глаза.) – Меня научил этому друг. Мужчина, на которого я когда-то работала. Он говорил, чтобы я с гордостью носила свои полосатые колготки.

– Твои – что?

– Он... Ну, он говорил, это нормально – быть не такой, как все остальные. Агнес, вы выглядите в сто раз лучше, чем все эти тетки, вместе взятые. Вы роскошная женщина. И платье потрясающее. Так пусть оно будет для них словно огромный средний палец. Понятно? *Я ношу что хочу.*

Агнес пристально на меня посмотрела:

– Ты так думаешь?

– Ну да, конечно.

Она сделала глубокий вдох:

– Ты права. Покажу им всем средний палец. – Агнес расправила плечи. – А мужчинам вообще плевать, какое на тебе платье. Ведь так?

– Всем до единого.

Лукаво улыбнувшись, она бросила на меня заговорщицкий взгляд:

– Их заботит лишь то, что под платьем.

– Мэм, ваше платье – просто улет! – Рядом со мной появился Джошуа. Он протянул нам по изящному бокалу. – Шампанское. Единственным желтым напитком был «шартрез», но уже при одном взгляде на него меня начинает подташнивать.

– Благодарю. – Я взяла шампанское.

Мой новый знакомый протянул руку Агнес:

– Джошуа Уильям Райан Третий.

– Вам непременно нужно чуть подкорректировать имя. – (Они оба удивленно уставились на меня.) – Такие имена годятся разве что для мыльных опер, – заявила я и, спохватившись, поняла, что начинаю озвучивать свои мысли.

– Ну ладно. Можете звать меня просто Джош, – согласился он.

– Луиза Кларк, – произнесла я и тут же добавила: – Первая.

У него слегка сузились глаза.

– Миссис Леонард Гупник. Вторая, – сказала Агнес. – Хотя вам наверняка это известно.

– Действительно известно. Вы у всего города притча во языцех. – Его слова могли показаться излишне суровыми, но он произнес их с удивительной теплотой в голосе.

Я заметила, что Агнес слегка расслабилась.

Джош сообщил нам, что сопровождает свою тетю, так как ее муж в отъезде, а ей не хотелось идти одной. Он работает на фирму, занимающуюся управлением рисками для брокеров и хедж-фондов. И специализируется в области акционерного капитала и долгов корпораций.

– Если честно, я без понятия, что это значит, – заявила я.

– Должен признаться, я тоже.

Спору нет, Джош был само очарование. И атмосфера в зале вдруг стала не такой холодной. Он родился в Бэк-Бэй, пригороде Бостона, недавно переехал в Нью-Йорк, поселился, по его словам, в кроличьей норе в Сохо и со времени переезда набрал два килограмма: уж больно хороши рестораны в центре города.

– А как насчет вас, Луиза Кларк Первая? Чем занимаетесь?

– Я, собственно...

– Луиза – моя подруга. Приехала погостить из Англии.

– Ну и как вам Нью-Йорк?

– Мне нравится, – ответила я. – У меня до сих пор голова идет кругом.

– И Желтый бал – ваше первое светское мероприятие. Так, так, так, миссис Леонард Гупник Вторая, вы явно не размениваетесь по мелочам!

Тем временем вечер шел своим чередом, и после второго бокала шампанского стало немного легче. За ужином я сидела между Агнес и мужчиной, который так и не сумел назвать мне свое имя и заговорил со мной лишь один раз, поинтересовавшись у моих грудей, с кем они тут знакомы, но, узнав, что практически ни с кем, повернулся к ним спиной. Выполняя просьбу мистера Гупника, я внимательно следила за тем, что пила Агнес. Я незаметно поменяла ее полный бокал на свой почти пустой и с облегчением увидела едва заметную одобрительную улыбку мистера Гупника. Агнес слишком оживленно разговаривала с мужчиной справа от нее, ее смех был чуть-чуть громче, чем нужно, ее жесты – нервными и порывистыми. Я исподволь наблюдала за присутствующими женщинами и видела, как они смотрят на нее и многозначительно переглядываются, словно желая подтвердить вынесенный в частном порядке обвинительный вердикт. Все это было ужасно.

Мистеру Гупнику, сидевшему напротив жены, было до нее не дотянуться, но я видела, как он бросал на Агнес настороженные взгляды, даже когда улыбался, и пожимал руки, и с виду казался самым спокойным человеком на этой земле.

– Где она? – (Не расслышав, я наклонилась к Агнес поближе.) – Бывшая жена Леонарда. Где она? Луиза, ты должна выяснить. Я не смогу расслабиться, пока не узнаю. Я буквально кожей ее чувствую.

Фиолетовый код.

– Ладно, я выясню план рассадки. – Извинившись, я вышла из-за стола.

Я остановилась у огромного стенда у входа в обеденный зал. На схеме значилось более восьмисот напечатанных мелким шрифтом имен, а я даже не знала, сохранила ли миссис Гупник фамилию бывшего мужа. Черт! И тут возле меня возник Джош.

– Потеряли кого-то?

Я понизила голос:

– Мне необходимо выяснить, где сидит первая миссис Гупник. Вы, случайно, не знаете, сменила она фамилию или нет? Агнес... хотелось бы знать, куда ее посадили. – Джош нахмурился, и я добавила: – Агнес немного переживает.

– Боюсь, ничем не могу помочь. А вот моя тетя – возможно. Оставайтесь здесь. – Джош легко коснулся моего обнаженного плеча и размашисто зашагал обратно в обеденный зал.

Я попыталась сделать вид, будто я не романтическая особа, которую бросает в краску от прикосновения незнакомого мужчины, а светская дама, внимательно изучающая стенд в поисках полдюжины близких друзей. Он вернулся буквально через минуту.

– Она по-прежнему Гупник. Тетя Нэнси говорит, что, возможно, видела ее у стола аукциониста. – Он пробежался наманикюренным пальцем по списку имен. – Нашел. Столик сто сорок четыре. Я специально прошел мимо. Там действительно сидит женщина, внешность которой подпадает под приметы миссис Гупник. Пятьдесят с хвостиком, темные волосы, стреляет отравленными стрелами, извлеченными из сумочки «Шанель», так? Они посадили ее на максимальном удалении от Агнес.

– Ой, слава богу! – обрадовалась я. – Ей сразу станет легче.

– Жуткое дело – эти нью-йоркские матроны. Поэтому я не осуждаю Агнес за то, что предпочитает не поворачиваться к ним спиной. Интересно, а в Англии высшее общество столь же кровожадно?

– Высшее общество? Ой, не знаю... Я не любитель светских мероприятий, – поспешно сказала я.

– Я тоже. Честно говоря, я ужасно изматываюсь за день и самое большее, на что способен после работы, – это заказать еду навынос. А вы, Луиза, чем занимаетесь?

– Э-э-э... – Я бросила растерянный взгляд на телефон. – Боже мой! Мне нужно вернуться к Агнес.

– Мы еще увидимся до вашего ухода? За каким вы столиком?

– За тридцать вторым, – ответила я и сразу прикусила язык, поняв, что совершила ошибку.

– Тогда увидимся позже. – Его улыбка на мгновение пригвоздила меня к месту. – Кстати, я собирался сказать, что вы очень красивая. – Он наклонился и, слегка понизив голос, произнес мне на ухо: – На самом деле ваше платье нравится мне гораздо больше платья вашей подружки. Вы уже сделали фотографию?

– Фотографию?

– Вот. – Он поднял руку и, прежде чем я поняла его намерения, снял нас, практически голова к голове, на телефон. – Отлично! Дайте мне ваш номер, и я pošлю вам фото.

– Вы хотите послать мне фото, где мы вдвоем?

– Как вам удалось разгадать мои тайные мотивы? – Он ухмыльнулся. – Тогда ладно. Оставляю фотографию себе. На память о самой красивой девушке в этом зале. Если, конечно, вы не захотите стереть снимок. Ну вот. Решайте, стирать или нет. – Он протянул мне телефон.

Мой палец завис над кнопкой. После секундного колебания я отдернула руку:

– По-моему, это невежливо – стирать кого-то, с кем ты только что познакомился. И вообще... спасибо вам... за разведанные о рассадке за столами. Очень мило с вашей стороны.

– Всегда к вашим услугам.

Мы улыбнулись друг другу. После чего я, чтобы не брякнуть лишнего, поспешила вернуться за свой стол.

Я сообщила Агнес благую весть и, услышав ее громкий вздох облегчения, села на место, чтобы съесть кусочек уже успевшей остыть рыбы и заодно унять звон в ушах. «Он не Уилл», – твердила я себе. Не тот голос. Не те брови. Он американец. И тем не менее было нечто такое в его манере держаться – самоуверенность в сочетании с острым умом, аура сильного мужчины, способного отбить любую твою подачу, и этот взгляд, от которого я вдруг почувствовала себя выпотрошенной. Я оглянулась, вспомнив, что не спросила Джоша, где он сидит.

– Луиза? – (Я поймала на себе пристальный взгляд Агнес.) – Мне нужно в туалет.

У меня ушло не меньше минуты, чтобы сообразить, что моя обязанность – проводить туда Агнес.

Мы медленно прошли через зал в сторону дамской комнаты. Усилием воли я заставляла себя не вертеть головой в поисках Джоша. Буквально все присутствующие в зале не сводили глаз с Агнес, и не только из-за кислотного цвета платья, а скорее, из-за того, что от нее исходил некий магнетизм, невольно притягивающий взгляды.

И как только мы оказались в дамской комнате, она рухнула в кресло в углу, жестом попросив меня дать ей сигарету:

– Боже мой! Ну и вечер! Я точно умру, если мы в ближайшее время не уйдем домой.

Служительница – женщина лет шестидесяти – при виде сигареты выразительно подняла брови и отвернулась.

– Э-э-э... Агнес, я не уверена, что здесь можно курить.

Но Агнес, похоже, было наплевать. Если вы реально богаты, для вас не писаны правила, действующие для обычных людей. Да и что, собственно, ей могли сделать? Выставить вон?

Агнес прикурила сигарету, затянулась и облегченно вздохнула:

– Фу! Это платье жутко неудобное. И трусики «танга» врезаются, словно струна сыро-резки. – Она задрала платье и, извиваясь перед зеркалом, сунула под подол ухоженную руку. – Эх, зря я надела нижнее белье!

– Но вы хорошо себя чувствуете?

Она улыбнулась мне:

– Я хорошо себя чувствую. Сегодня вечером некоторые гости вели себя очень мило. Этот Джош очень милый, и мистер Петерсон, который сидел рядом со мной, был очень дружелюб-

ным. Все не так плохо. Может, рано или поздно люди примут как факт, что у Леонарда новая жена.

– Им просто нужно какое-то время.

– Подержи-ка. Я хочу сделать пи-пи. – Она протянула мне недокуренную сигарету и исчезла в кабинке. Я осторожно зажала сигарету между пальцами, как раскаленный уголь. Мы переглянулись со служительницей, она пожала плечами, будто желая сказать: *А что тебе остается делать?*

– О боже! – послышался из кабинки голос Агнес. – Мне придется снять чертово платье. Его невозможно задрать. Потом поможешь мне застегнуть молнию.

– Хорошо, – ответила я.

Служительница вновь подняла брови, мы обе с трудом сдерживали смех.

Вошедшие в туалет две дамы средних лет бросили неодобрительный взгляд на мою сигарету.

– Вся штука в том, Джейн, что им словно шлея под хвост попадает, – произнесла одна из дам.

Она остановилась перед зеркалом поправить прическу, в чем, собственно, не было особой необходимости: волосы были так густо залиты лаком, что даже десятибалльный шторм вряд ли сумел бы их растрепать.

– Знаю. Все это старо как мир.

– Но обычно им, по крайней мере, хватает воспитания не вести себя вызывающе. Именно это больше всего и расстраивает Кэтрин: вызывающее поведение.

– Да, другое дело, если бы это был кто-то более-менее из нашего круга. А этой явно не хватает класса.

– Верно. Он повел себя как в плохом анекдоте.

И в этот момент головы обеих дам повернулись ко мне.

– Луиза? – донеслось из кабинки. – Не могла бы ты подойти ко мне?

Я поняла, о ком они говорили. Сразу поняла, когда увидела их лица.

В туалете повисла напряженная тишина.

– Надеюсь, вы понимаете, что здесь не курят? – с нажимом произнесла одна из дам.

– Разве? Я дико извиняюсь. – Я затушила окурок в раковине и залила водой.

– Луиза, ты можешь мне помочь? У меня заело молнию.

Они тоже все поняли. Сложили два и два, после чего их лица окаменели.

Прошествовав мимо них, я постучалась в кабинку, Агнес меня впустила.

Агнес стояла в бюстгальтере, желтое платье-футляр обмотано вокруг талии.

– Что... – начала она, но я приложила палец к губам и молча показала на дверь.

Агнес прищурилась, словно могла видеть, что там за дверью, и нахмурилась. Я развернула Агнес спиной к себе. Молния, уже на две трети расстегнутая, застряла на талии. Я потянула за «собачку» раз, другой, третий, потом достала из вечерней сумочки телефон и включила фонарик, чтобы понять, в чем дело.

– Ты можешь ее починить? – прошептала Агнес.

– Я пытаюсь.

– Ты должна. Я не могу появиться перед этими женщинами в таком виде.

Агнес, в крошечном лифчике, стояла совсем близко от меня, от ее бледной плоти теплыми волнами поднимался аромат дорогих духов. Косясь на заевшую «собачку», я пыталась обойти Агнес то так, то этак, но все было бесполезно. Требовалось больше свободного пространства, чтобы стянуть платье и дать мне возможность поработать над молнией. А иначе все было без толку. Я посмотрела на Агнес и пожала плечами. На ее лице появилось страдальческое выражение.

– Агнес, не уверена, что смогу сделать это в кабинке. Здесь негде развернуться. И абсолютно ничего не видно.

– Но не могу же я выйти в таком виде. Они скажут, что я шлюха. – Она в отчаянии закрыла лицо руками.

Давящая тишина снаружи говорила, что две дамы затаились в ожидании нашего следующего шага. Они даже не делали вида, будто им нужно справить нужду. Мы оказались в ловушке. Чуть отступив, я задумчиво покачала головой. И тут меня осенило.

– Средний палец, – прошептала я.

У Агнес округлились глаза.

Тогда я посмотрела на нее в упор и едва заметно кивнула. Она нахмурилась, затем ее лицо просветлело.

Я распахнула дверь кабинки и отступила в сторону. Агнес сделала вдох, выпрямила спину и продефилировала мимо оторопевших дам, точно топ-модель у задника сцены, верх от платья по-прежнему был закручен вокруг талии, бюстгальтер – два крошечных треугольника – практически не скрывал белую грудь. Она остановилась в центре комнаты и наклонилась вперед, чтобы я смогла осторожно стянуть с нее платье через голову. Потом, практически обнаженная, если не считать двух тонких лоскутков нижнего белья, выпрямилась, демонстрируя абсолютную безмятежность. Не решаясь взглянуть на лица тех двух дам, я перекинула желтое платье через руку и неожиданно услышала, как одна из них театрально, с громким всхлипом, втянула в себя воздух.

– Ну, я... – начала она.

– Мэм, может, дать вам набор для шитья? – Возле меня появилась служительница.

Пока она открывала пакетик с иглками и нитками, Агнес элегантно сидела в кресле, вытянув в сторону сжатые с притворной скромностью длинные бледные ноги.

В туалет вошли еще две дамы. При виде полуобнаженной Агнес они оборвали разговор. Одна из них поперхнулась на полуслове, обе демонстративно отвернулись и, спотыкаясь, кое-как продолжили обмен банальностями. Тем временем Агнес полулежала в кресле, явно пребывая в блаженном неведении.

Служительница вручила мне булавку, и я, орудуя острым концом, зацепила попавшую в «собачку» тонкую ниточку и осторожно вытащила ее, освободив наконец молнию.

– Готово!

Агнес поднялась и, опираясь на руку служительницы, вступила в лежащее на полу платье, которое мы общими усилиями натянули на ее стройное тело. Я легко застегнула молнию, Агнес расправила платье вокруг своих длинных ног, и оно элегантно заструилось по коже.

Служительница взяла баллончик с лаком для волос.

– Вот. Позвольте вам помочь. – Наклонившись вперед, она прыснула лаком на зацепку. – Теперь она никуда не денется!

– Огромное спасибо за вашу доброту. – Вытащив из сумочки пятидесятидолларовую банкноту, Агнес вручила ее служительнице, потом обратила ко мне сияющую улыбку. – Луиза, дорогая, ну что, пожалуй, пора вернуться за стол? – Царственно кивнув опешившим дамам, Агнес решительно вздернула подбородок и неторопливо зашагала к двери.

В туалете повисла напряженная тишина. Затем служительница повернулась ко мне и с широкой улыбкой сунула деньги в карман.

– Вот это и есть, – неожиданно громко и отчетливо произнесла она, – самый настоящий класс.

Глава 6

На следующее утро Джордж не пришел. Мне об этом никто не сказал. Я сидела в холле в шортах, заспанная, с красными глазами, и только в половине седьмого поняла, что занятия, должно быть, отменили.

Итак, Агнес встала с постели уже после девяти, тем самым заставив Иларию то и дело неодобрительно поглядывать на часы. Агнес послала мне сообщение с просьбой отменить все назначенные на первую половину дня встречи. Вместо этого около полудня она заявила, что хотела бы прогуляться вокруг Центрального водохранилища. День выдался ветреным, мы замотались до подбородка шарфами и шли, сунув руки в карманы. Всю ночь я вспоминала лицо Джоша. Оно по-прежнему не давало мне покоя, невольно заставляя задаваться вопросом: сколько еще призрачных двойников Уилла прямо сейчас бродит по свету? У Джоша были более густые брови, глаза другого цвета, другой акцент. И все же.

– А знаешь, что мы делали с подружками, когда наутро мучились от похмелья? – нарушив ход моих мыслей, спросила Агнес. – Мы шли в японский ресторанчик возле Грамерси-парка, ели лапшу и говорили, говорили, говорили.

– Тогда давайте сходим.

– Куда?

– Туда, где подают лапшу. А по пути можем подобрать ваших подружек.

Она загорелась, но тотчас же пошла на попятную:

– Нет, не могу. Теперь все по-другому.

– Нам совершенно не обязательно вызывать Гарри. Поймаем такси. Оденетесь попроще и внезапно объявитесь. Это будет здорово.

– Я ведь сказала: теперь все по-другому. – Агнес повернулась ко мне. – Луиза, я уже пробовала это сделать. Несколько раз. Но мои подружки – они любопытные. Им хочется знать все о моей теперешней жизни. А когда я говорю им правду, они начинают вести себя... странно.

– Странно?

– Понимаешь, в свое время мы все были примерно на равных. А теперь они говорят, что сытый голодного не разумеет. Потому что я богатая. И у меня, типа, не может быть проблем. Потому что они для меня чужие, словно я теперь совсем другой человек. Словно все перемены к лучшему в моей жизни – для них смертельное оскорбление. Думаешь, я могу хоть кому-нибудь из окружающих поплакаться по поводу домоправительницы? – Агнес остановилась посреди дороги. – Когда я вышла за Леонарда, он открыл счет на мое имя. Свадебный подарок. Чтобы мне не пришлось клянчить у него деньги. И тогда я дала своей ближайшей подруге Пауле небольшую сумму. Десять тысяч долларов. Рассчитаться с долгами и начать новую жизнь. Сперва она была просто счастлива. И я тоже! Помочь лучшей подруге! Чтобы у нее, совсем как у меня, больше не было финансовых проблем! – В голосе Агнес прозвучали тоскливые нотки. – А потом... потом она ни с того ни с сего больше не захотела меня видеть. Она жила другой жизнью, и у нее никогда не было времени, чтобы со мной встретиться. И я наконец поняла: она не может мне простить то, что тогда я помогла ей. Всякий раз, когда мы встречались, она вольно или невольно думала лишь о том, что она моя должница. Она ведь гордая, очень гордая. И ей не хотелось жить с этим чувством. Итак... – Агнес передернула плечами. – Теперь она не отвечает на мои звонки. Так что о совместном походе в ресторан можно и не мечтать! Из-за денег я потеряла подругу.

– Богатые тоже плачут, – глубокомысленно заметила я, поняв, что она ждет моей реакции. – А проблемы есть у всех.

Агнес отошла в сторону – пропустить малыша на самокате. Задумчиво посмотрела ему вслед, затем повернулась ко мне:

– У тебя есть сигареты?

Теперь я уже успела подготовиться. Вытащила из рюкзака пачку сигарет и протянула Агнес. Сомневаюсь, что мне следовало поощрять эту пагубную привычку, но Агнес была моим боссом. Она затянулась и выпустила длинную струйку дыма.

– Да, проблемы есть у всех, – медленно повторила она. – А у тебя, Луиза Кларк?

– Я скучаю по своему парню. – Я, скорее, хотела убедить в этом себя, нежели Агнес. – А так... Вроде особенно нет. Все... отлично. И я здесь счастлива.

Агнес кивнула:

– Когда-то я чувствовала то же самое. Нью-Йорк! Всегда что-то новое! И всегда волнующее. А сейчас я ужасно... скучаю по... – Она осеклась.

На секунду мне показалось, будто в глазах у Агнес блеснули слезы. Но ее лицо тут же окаменело.

– А знаешь, кто меня ненавидит?

– Кто?

– Илария. Ведьма. Она была домоправительницей при той, бывшей, и Леонард не захотел лишиться столь ценного кадра. Теперь мне от нее никуда не деться.

– Может, со временем она вас полюбит?

– Может, со временем она решится подсыпать мне в еду мышьяка. Я ведь вижу, как она на меня смотрит. Она хочет, чтобы я умерла. Представляешь, каково это жить под одной крышей с человеком, который жаждет твоей смерти?

Честно говоря, я и сама слегка побаивалась Иларии. Но не хотела, чтобы об этом знала Агнес. Мы двинулись дальше.

– В свое время я работала на одного человека, который, я уверена, поначалу меня буквально ненавидел, – сказала я. – Мало-помалу я поняла, что дело тут вовсе не во мне. Он просто ненавидел свою жизнь. А когда мы узнали друг друга поближе, то в конце концов отлично ладили.

– А он, случайно, не подпаливал твою лучшую блузку? Не стирал твоё нижнее белье порошком, от которого, как он точно знал, у тебя будет зудеть промежность? Не распространял о тебе мерзкие слухи, выставляя тебя проституткой?

У меня отвисла челюсть, совсем как у золотой рыбки в аквариуме. Я поспешно закрыла рот и потрясенно покачала головой.

Агнес убрала упавшие на лицо пряди волос:

– Луиза, я люблю его. Но жить его жизнью оказалось для меня невозможным. Моя жизнь стала невозможной... – Она снова осеклась.

Мы остановились, молча наблюдая за гуляющей публикой: молодежью на роликах и детишками на самокатах, идущими рука об руку парочками, патрулирующими полицейскими. Температура заметно понизилась, и мне стало зябко в куртке от спортивного костюма. Я невольно поежилась.

Агнес вздохнула:

– Ладно. Возвращаемся назад. Посмотрим, какую из моих любимых вещей эта ведьма испортит на сей раз.

– Нет, – ответила я. – Лучше пойдёмте-ка есть вашу лапшу. Уж что-что, а это мы точно можем сделать.

Доехав на такси до Грамерси-парка, мы вышли у здания из бурого песчаника на тенистой стороне улицы, которое выглядело настолько задрипанным, что сразу наводило на мысль о кишечной палочке. Но как только мы сюда приехали, Агнес сразу повеселела. Пока я расплачивалась с водителем такси, она взлетела по ступенькам и прошла в сумрачный зал ресторана. Выбежавшая из кухни молодая японка бросилась ей на шею, словно давней подруге, и, взяв

Агнес под руку, принялась расспрашивать, куда та запропастилась. Стянув с головы вязаную шапочку, Агнес начала расплывчато объяснять, что была очень занята, вышла замуж, переехала в другой дом, при этом ни словом, ни полусловом не давая понять о кардинальных изменениях в своей жизни. Я заметила, что она надела простое обручальное кольцо, а не бриллиантовое, помолвочное, которое было настолько массивным, что разрабатывало трицепсы лучше любых гантелей.

И когда мы устроились в отделанной пластиком кабинке, я увидела, что напротив меня сидит совершенно другая женщина. Агнес была веселой, оживленной и шумной, с отрывистым, кудахтающим смехом, и я сразу поняла, почему в нее влюбился мистер Гупник.

– А как вы познакомились? – поинтересовалась я, пока мы, причмокивая, поглощали горячую лапшу в горшочках.

– С Леонардом? Я была его массажисткой. – Она замолчала, словно ожидала, что я буду шокирована ее заявлением, но, не увидев бурной реакции с моей стороны, опустила голову и продолжила: – Я работала в отеле «Сент-Реджис». И они каждую неделю посылали к нему домой массажиста. Обычно это был Андре. Андре хорошо знал свое дело. Но в тот день Андре приболел. И меня просят его заменить. Я думаю: «Ой нет, еще один парень с Уолл-стрит!» Ты даже не представляешь, сколько их развелось, причем, как правило, одни говнюки. Они тебя даже за человека не считают. Не здороваются, не разговаривают... Некоторые просят... – она понизила голос, – чтобы им подрочили. Ты только прикинь, подрочили! Словно ты проститутка какая-то. Фу! Но Леонард, он добрый. Здоровается со мной за руку, прямо с порога спрашивает, хочу ли я черного чая. Ему так нравилось, когда я массирила его. И я точно знаю.

– Что именно?

– Что она никогда его не трогала. Его жена. Ну, ты понимаешь, не трогала его тело. Она была холодной, холодной женщиной. – Агнес потупилась. – А иногда у него случаются дикие боли. Ужасно болят суставы. Еще до появления Натана. Пригласить Натана было моей идеей. Помочь Леонарду оставаться здоровым и крепким. Ну да ладно. Я действительно стараюсь хорошо его отмассировать. Даже отрабатываю дольше положенного времени. Прислушиваюсь к тому, что говорит мне его тело. А после он был очень благодарен. И просит, чтобы на следующей неделе прислали меня. Андре, конечно, был не слишком доволен, но я-то тут при чем? Итак, я начинаю ходить дважды в неделю к нему домой. Иногда после массажа он предлагает мне выпить с ним черного чая, и мы разговариваем. А потом... Ну, это нелегко. Потому что я понимаю, что влюбляюсь в него. И тут уже ничего не поделаешь.

– Ну да, как врачи и пациенты. Или учителя.

– Вот именно. – Агнес положила в рот клецку. Я еще никогда не видела, чтобы она столько ела. Прожевав, она продолжила: – Но я не могу заставить себя перестать думать об этом мужчине. Так грустно. И так сладко. И так одиноко! В конце концов я говорю Андре, чтобы пошел вместо меня. Не могу туда больше ходить.

– А что случилось потом? – Я даже перестала жевать.

– Леонард приезжает ко мне домой! В Квинс! Он как-то разузнал мой адрес, и его большая черная машина подкатывает к моему дому. Мы с подружками сидим на пожарной лестнице и курим, и я вижу, как он выходит из автомобиля и говорит: «Мне нужно с вами поговорить».

– Совсем как в «Красотке»!

– Да! Вот именно! И я спускаюсь в переулок, а он весь из себя такой злой. И говорит: «Я что, вас чем-то обидел? Неподобающе с вами обошелся?» А я только качаю головой. Он расхаживает взад-вперед и говорит: «Почему бы вам не вернуться? Я больше не хочу Андре. Я хочу вас». И тут я, как последняя дура, начинаю реветь. – Глаза Агнес наполнились слезами. – Реву среди белого дня прямо на улице, на глазах у своих подруг. Ну а потом говорю: «Я не могу вам сказать». И он начинает сердиться. Хочет знать, не оскорбила ли меня его жена. Или, может, у меня что-то случилось на работе. И тогда я наконец признаюсь: «Я не могу вернуться,

потому что вы мне нравитесь. Очень сильно. А это непрофессионально. И я могу потерять работу». А он так пристально смотрит на меня, но ничего не говорит. Вообще ничего. Потом садится обратно в автомобиль, и водитель его увозит. И я думаю: «Ой, нет! Я больше никогда не увижу его и потеряю работу». И вот на следующий день я прихожу в наш отель и ужасно нервничаю. Ужасно нервничаю, Луиза. Даже живот болит!

– Потому что вы решили, он пожалуется вашему начальнику.

– Совершенно верно. Но знаешь, что случилось, когда я туда пришла?

– Что?

– Меня ждет огромный букет красных роз. Я такого никогда в жизни не видела. Прекрасных махровых ароматных роз. Таких мягких, что хочется их потрогать. И нет никакой карточки. Но я сразу все понимаю. А потом каждый день новый букет красных роз. Наша квартира забита розами. Подруги говорят, им уже дурно от запаха. – Агнес расхохоталась. – И вот в последний день он снова приезжает ко мне домой, и я спускаюсь вниз, и он предлагает мне сесть к нему в машину. И мы сидим на заднем сиденье, и он просит водителя пойти прогуляться и говорит мне, что очень несчастен и с той минуты, как мы встретились, не перестает обо мне думать и одного моего слова будет достаточно, чтобы он оставил жену и мы были вместе.

– И вы даже не целовались?

– Ничего. Конечно, я массирувала ему ягодицы, но это совсем другое дело. – Она выдохнула, смакуя воспоминание о сладостном мгновении. – И я поняла. Поняла, что мы должны быть вместе. И я сказала это. Сказала «да».

Я была потрясена.

– В ту ночь он идет домой и говорит своей жене, что больше не хочет быть ее мужем. И она сердится. *Так сердится!* И она спрашивает его почему, и он говорит ей, что не может жить в браке без любви. И в ту же самую ночь он звонит мне из отеля и просит приехать к нему, и мы в этом роскошном номере в «Риц-Карлтоне». Ты когда-нибудь останавливалась в «Риц-Карлтоне»?

– Мм... Нет.

– Я вхожу, и он стоит у двери, словно слишком нервничает, чтобы сесть, и он говорит мне, он знает, что банален и слишком стар для меня, что его тело изуродовано артритом, но, если есть хотя бы маленькая надежда, что я действительно хочу быть с ним, он сделает все возможное и невозможное, чтобы я была счастлива. Так как у него есть особое чувство насчет нас, представляешь? Что мы с ним родственные души. И мы держим друг друга в объятиях и наконец целуемся, а потом всю ночь не смыкаем глаз и говорим, говорим о нашем детстве, и о нашей жизни, и о наших надеждах и мечтах.

– Это самая романтическая история, какую я когда-либо слышала.

– И потом мы, конечно, трахаемся, и, мой бог, я чувствую, что этот мужчина был заморожен на многие годы, понимаешь?

На этом месте я даже подавилась лапшой. Пришлось выплюнуть ее прямо на стол. Когда я подняла глаза, то обнаружила, что посетители за соседними столиками смотрят на нас во все глаза.

Голос Агнес внезапно обрел новую силу. Она принялась размахивать руками:

– Ты не поверишь. В нем словно засел постоянный голод, и этот голод, копившийся из года в год, теперь наконец *прорвался* наружу. *Прорвался!* В ту первую ночь он был ненасытным.

– Понятно, – пискнула я, вытирая губы бумажной салфеткой.

– Настоящее волшебство это слияние наших тел. И после мы просто держим друг друга в объятиях много-много часов, и я обвиваюсь вокруг него, и он кладет голову мне на грудь, и я обещаю, что ему больше никогда не придется жить в замороженном состоянии. Понимаешь?

В ресторане вдруг стало очень тихо. Какой-то парень за спиной у Агнес устался ей в затылок, не донеся ложку до рта. Заметив, что я за ним наблюдаю, он с громким звоном уронил ложку.

– Это... это действительно чудесная история.

– И он держит свое обещание. Как он говорил, так и вышло. Мы счастливы вместе. Очень счастливы! – На ее лицо набежала тень. – Но его дочь меня ненавидит. Его бывшая жена меня ненавидит. Она винит меня во всем, хотя сама никогда его не любила. Она говорит каждому встречному и поперечному, что я плохой человек, так как украла у нее мужа. – (Я не знала, что на это сказать.) – И каждую неделю я должна ходить на эти благотворительные вечера и коктейли, и улыбаться, и делать вид, будто не знаю, что болтают за моей спиной эти женщины. А как они на меня смотрят! А я вовсе не такая, как они утверждают. Я говорю на четырех языках. Играю на фортепиано. Защитила диплом по терапевтическому массажу. А знаешь, на каком языке она говорит? На *лицемерном*. Но очень трудно притворяться, будто тебе не больно, понимаешь? Будто тебе наплевать.

– Люди меняются, – попыталась я обнадежить Агнес. – Со временем.

– Нет. Сомневаюсь, что такое возможно. – Взгляд Агнес вдруг стал задумчивым. Она пожала плечами. – Но нет худа без добра. Они все очень старые. И вероятно, некоторые из них скоро умрут.

Днем, когда Агнес прилегла вздремнуть, а Илария занялась хозяйственными делами внизу, я позвонила Сэму. После вчерашнего вечера и утренних откровений Агнес у меня голова шла кругом. Словно каким-то чудом я переместилась в параллельную реальность. «У меня такое чувство, будто ты не просто помощница, а близкая подруга, – сказала Агнес по пути домой. – Хорошо, когда рядом есть кто-то, кому можешь доверять».

– Я получил твои фотки. – (В Англии уже был вечер, и у Сэма ночевал его племянник Джейк. Где-то на заднем плане играла музыка, которую любил слушать Джейк.) – Ты выглядела замечательно.

– Никогда в жизни больше не надену такое платье. Но мероприятие было потрясающим. И еда, и музыка, и бальный зал... но, что самое странное, гости этого даже не замечали. Они не видят, что происходит вокруг! Там была целая стена из гардений и китайских фонариков. Совсем как настоящая монолитная стена! И нам подавали самый потрясающий шоколадный пудинг – прямоугольник из помадки с перьями из белого шоколада и крошечными трюфелями по краям, и ни одна из присутствующих там дам к нему даже не притронулась. Ни одна! Я прошлась вокруг столов и посчитала, чисто из спортивного интереса. Меня так и подмывало положить парочку трюфелей в сумочку, но я побоялась, что они растают. Зуб даю, они просто выбросили всю эту красоту на помойку. Ой, и каждый стол декорирован по-своему, но все инсталляции были в форме разных птиц, сделанных из желтых перьев. У нас была сова.

– Похоже, действительно грандиозный вечер.

– И еще там был бармен, который смешивал коктейли с учетом твоего характера. Нужно было только рассказать ему три вещи о себе – опля, коктейль готов!

– А тебе он сделал коктейль?

– Нет. Парню, с которым я разговаривала, он сделал «Соленую собаку», и я побоялась, что мне он приготовит «Оживитель трупов», или «Скользкий сосок», или типа того. Поэтому я ограничилась шампанским. Ограничилась шампанским! Ну как, звучит?

– А с каким это парнем ты разговаривала? – после небольшой паузы поинтересовался Сэм.

И к моему крайнему смущению, мой ответ прозвучал после такой же небольшой паузы:

– Ой!.. Да так, один парень... Джош. Белый воротничок. Он составил нам с Агнес компанию, пока мы ждали, когда вернется мистер Гупник.

Очередная пауза.

– Звучит здорово.

И тут я начала строчить как из пулемета:

– И что самое приятное – тебе вовсе не нужно беспокоиться о том, как добраться домой, потому что снаружи уже ждет автомобиль. Даже когда они ходят за покупками. Водитель просто подъезжает или едет вокруг квартала, ты выходишь – и та-дам! Перед тобой твоя большая черная сияющая машина. Залезаешь. Он кладет вещи в багажный отсек. Здесь говорят просто «багажник». Никаких ночных автобусов! Никакого ночного метро, где тебе запросто наблюдают на туфли.

– Красивая жизнь, да? После такого ты и не захочешь возвращаться домой.

– Ой, нет! Это вовсе не *моя* жизнь. А просто похмельный синдром. Но посмотреть на все это вблизи страшно интересно.

– Лу, мне нужно бежать. Обещал Джейку угостить его пиццей.

– Но... Но мы еще толком даже и не поговорили. Что у тебя слышно? Расскажи свои новости.

– Как-нибудь в другой раз. Джейк проголодался.

– Ну ладно. – Мой голос вдруг сделался неестественно звонким. – Передавай ему от меня привет!

– Ладно.

– Я тебя люблю, – сказала я.

– Я тебя тоже.

– Еще одна неделя! Уже считаю дни.

– Мне пора.

Положив телефон, я почувствовала себя как-то неуютно. Собственно говоря, я и сама толком не поняла, что именно произошло. Я сидела неподвижно на краешке кровати, и тут мой взгляд упал на визитную карточку Джоша. Он вручил ее мне перед уходом, чуть ли не насильно вложив в ладонь и заставив сжать пальцы.

Позвоните мне. Я покажу вам кое-какие крутые места.

Я взяла визитку и вежливо улыбнулась. Что, конечно, можно было понимать как угодно.

Глава 7

«Лисий коттедж»

Вторник, 6 октября

Дорогая Луиза!

Надеюсь, у тебя все хорошо и ты наслаждаешься жизнью в Нью-Йорке.

Я уверена, что Лили тебе тоже пишет, но после нашего последнего разговора я очень много думала и, заехав в лофт Уилла, захватила оттуда несколько писем, в свое время отправленных им из Нью-Йорка. Мне кажется, они тебе понравятся. Как ты знаешь, Уилл был любителем путешествий, вот я и подумала, что, возможно, тебе захочется пройти по его следам.

Я и сама перечитала некоторые письма: тяжелое чувство. Можешь оставить их у себя до нашей следующей встречи.

С наилучшими пожеланиями,

Камилла Трейнор.

Нью-Йорк

6.12.2004

Дорогая мама!

Я должен был позвонить, но разница во времени не позволяет жить по расписанию, поэтому я решил тебя потрясти, написав письмо. Думаю, это первое письмо после всех тех отписок из «Прайори мэноу». Похоже, я не был создан для жизни в интернате. Не так ли?

Нью-Йорк – удивительный город. Он буквально заражает своей энергией. К половине шестого утра я уже полностью готов выйти из дому. Моя фирма расположена на Стоун-стрит в Финансовом квартале. Найджел нашел мне офис (не угловой, но с хорошим видом на воду – именно по таким вещам в Нью-Йорке обычно и судят о людях), и ребята на работе – отличная спаянная команда. Передай папе, что в субботу я ходил на оперу в Метрополитен с босом и его женой – «Кавалер розы» (слишком много гротеска), и ты будешь счастлива узнать, что еще я посмотрел «Опасные связи». Очень много ланчей с клиентами, очень много софтбола. А вот вечера более-менее свободные: мои новые коллеги – все женатые, с маленькими детьми, так что приходится в одиночку путешествовать по барам...

Встречался с парой девушек – ничего серьезного (здесь они ходят на свидания, чтобы хорошо провести время), а так в основном качаюсь в спортзале или зависаю со старыми друзьями. Здесь полно людей из «Шипменс» и парочка тех, кого я знаю еще со школы. Наш мир, оказывается, довольно маленький... Большинство из них тут здорово изменились. Стали жестче и ненасытнее. Думаю, таким тебя делает этот город.

Кстати! Сегодня вечером встречаюсь с дочкой Генри Фарнсворта. Помнишь ее? Звезда стортфолдской молодежной организации «Пони клуб»? А сейчас открылась с совершенно новой стороны в качестве гуру в вопросах шопинга. Только не питай напрасных иллюзий – я просто делаю любезность Генри. Я веду ее в свой любимый стейк-хаус в Верхнем Ист-Сайде: куски мяса размером с одеяло гаучо. Надеюсь, она не вегетарианка. Здесь у всех свои пиццевые причуды.

Ой, и в прошлое воскресенье я доехал на метро до дальнего конца Бруклинского моста и вернулся назад уже пешком по мосту, как ты и предлагала. Пожалуй, это лучшее, что я успел сделать за все время. Мне показалось, будто я попал в один из ранних фильмов Вуди Аллена. Ну ты знаешь, в тот, где у него возрастная разница в десять лет с главными героинями...

Скажи папе, что я позвоню ему на следующей неделе, и обними за меня собаку.

С любовью, У. х

После той миски дешевой лапши мои отношения с Гупниками неуловимо изменились. Мне кажется, я стала лучше понимать, как помочь Агнес в ее новой роли. Она нуждалась в человеке, на которого можно было опереться и которому можно было доверять. А учитывая осмотическую энергию Нью-Йорка, это значило, что теперь я буквально выпрыгивала из кровати, чего не делала с тех далеких времен, когда ухаживала за Уиллом. Илария неодобрительно закатывала глаза, Натан исподволь наблюдал за мной, словно опасаясь, что я подседа на наркотики.

Но все объяснялось очень просто. Мне хотелось хорошо делать свое дело. И, работая на этих потрясающих людей, взять максимум от Нью-Йорка. Получать удовольствие от каждого дня, как делал Уилл. Я снова и снова перечитывала его письмо и, преодолев первоначальный шок оттого, что опять слышу его голос, неожиданно почувствовала некое сродство между нами: мы оба были приезжими в незнакомом городе.

Я начала поднимать ставки. Каждое утро бегала вместе с Агнес и Джорджем, иногда даже умудрялась преодолеть весь маршрут без риска, что меня сейчас вырвет. Я изучила места, где Агнес постоянно бывает, усвоила все, что ей нужно иметь с собой, что надеть, что принести домой. Выходила в коридор раньше ее и держала на готовности воду, сигареты и овощной сок, когда она еще сама не знала, потребуется ей все это или нет. Если Агнес собиралась на ланч, где имелся какой-то риск столкнуться с Жуткими Матронами, я старалась заранее ее развеселить и сбавить градус нервозности, посылала ей забавные гифки с пукающими пандами или с людьми, падающими с батута, чтобы поднять ей настроение во время еды. А после я ждала ее в автомобиле и выслушивала излияния по поводу того, кто что ей сказал или, наоборот, не сказал, сочувственно кивала или соглашалась, типа да, они действительно невыносимые, злые твари. Тошноты как палки. И совершенно бессердечные.

Я научилась делать непроницаемое лицо игрока в покер, когда Агнес пускалась в откровения о прекрасном теле Леонарда, о том, какой он изумительный, изумительный любовник, и старалась не смеяться, когда она вставляла польские слова, такие как *холера*, которыми обзывала Иларию так, чтобы та не поняла.

Агнес, как я довольно быстро обнаружила, не умела, грубо выражаясь, фильтровать базар. Папа всегда сетовал, что я говорю первое, что приходит в голову, но я никогда бы не решилась сказать то, что выдавала Агнес: *Вонючая старая шлюха. Нет, ты только прикинь, как можно делать восковую эпиляцию этой мерзкой Сьюзен Фиццолтер?! Ведь это все равно что счищать бороду с закрытой раковины мидии? Брр...*

И не то чтобы Агнес была по своей природе недоброжелательным человеком. Думаю, подобное поведение объяснялось тем, что она жила в постоянном стрессе: ей нужно было вести себя соответствующим образом и стараться сделать так, чтобы после скрупулезной оценки ее не пригвоздили к позорному столбу. Вот потому-то я и служила для Агнес своего рода отдушиной. Сразу после встречи с этими дамами Агнес плевалась и ругалась последними словами, но к тому времени, как Гарри доставлял нас домой, брала себя в руки, чтобы с завидным самообладанием встретить мужа.

Я разработала определенную стратегию привнесения элемента веселья в жизнь Агнес. Раз в неделю посреди дня мы проводили незапланированную вылазку в кинотеатр на Линкольн-сквер, где, даваясь от смеха и чавкая попкорном, смотрели дурацкие, тупые комедии. А иногда мы посещали шикарные бутики на Мэдисон-авеню, где примеряли самые безобразные дизайнерские шмотки, какие только удавалось найти, после чего с непроницаемыми лицами спрашивали продавщиц: «А у вас, случайно, не найдется такого же, только ярко-зеленого?», а те, косясь на сумку Агнес «Биркин» от «Эрмес», выдавливали сквозь стиснутые зубы комплименты. Однажды Агнес уговорила мистера Гупника встретиться там в обед и, чтобы развеселить его, расхаживала перед ним, словно топ-модель по подиуму, демонстрируя смахивающие на клоунские брючные костюмы, так что у мистера Гупника от с трудом сдерживаемого смеха дергались уголки рта. «Ты такая шалунья», – покачав головой, нежно сказал он.

Однако не только работа поднимала мне настроение. Я стала чуть лучше понимать Нью-Йорк, а он в свою очередь стал относиться ко мне более приветливо. Что в этом пристанище иммигрантов было достаточно легко, ведь вне тонкого стратосферного слоя повседневной жизни Агнес я была просто очередным приезжим из далекой страны, который бегал по городу, работал, заказывал еду навынос и учился точно указывать по крайней мере три вещи при покупке кофе или сэндвича, чтобы не слишком отличаться от местных жителей.

Я наблюдала, и я училась.

Вот что я узнала о жителях Нью-Йорка за первый месяц пребывания здесь.

1. Обитатели нашего дома не общались с другими квартирантами, причем Гупники разговаривали исключительно с Ашоком. Старуха со второго этажа, миссис Де Витт, не разговаривала с парой из Калифорнии, занимавшей пентхаус, а пара в строгих костюмах с третьего этажа вечно шла по коридору, уткнувшись в айфоны, и только отдавала лающие команды в микрофон. Даже дети с первого этажа – нарядно одетые маленькие манекены, которых пасла забитая молодая филиппинка, – никогда не здоровались и смотрели в пол всякий раз, как я проходила мимо. А когда я улыбнулась девочке, она вытаращила на меня глаза, словно мое поведение показалось ей крайне подозрительным.

Обитатели «Лавери» садились в однотипные черные машины, терпеливо поджидающие их у тротуара. Правда, они, похоже, точно знали, где чья. Миссис Де Витт, насколько я успела заметить, была единственным человеком, которая хоть с кем-то разговаривала. Ковыляя по дому, она едва слышно бубнила себе под нос, обращаясь к Дину Мартину, насчет этих ужасных русских и жутких китайцев из соседнего дома, которые заставляют своих шоферов ждать двадцать четыре часа семь дней в неделю, заполонив в результате всю улицу машинами. А еще она шумно жаловалась Ашоку или управляющему зданием на звуки фортепиано Агнес. Когда мы проходили мимо нее по коридору, она нас догоняла и осуждающе фыркала нам вслед.

2. И наоборот, в магазинах все с тобой разговаривали. Продавцы ходили следом, вытянув шеи, чтобы лучше тебя слышать, и всегда искали способ услужить или предлагали отнести отобранные вещи в примерочную. Я не получала столько внимания с тех незапамятных времен, когда мне было восемь лет и нас с Триной застукали в почтовом отделении на краже батончика «Марс», после чего все следующие три года миссис Баркер ходила за нами тенью, точно оперативник МИ-5, всякий раз, как мы заходили туда за пакетиками леденцов.

И буквально все продавцы Нью-Йорка желали тебе хорошего дня. Даже если ты покупал всего-навсего картонку апельсинового сока или газету. На первых порах, обезоруженная их любезностью, я отвечала: «Ой! Ну и вам тоже хорошего дня!» – заставляя их тем самым врасплох, поскольку демонстрировала вопиющее незнание правил ведения разговора в Нью-Йорке.

Что касается Ашока, то любой, кто переступал порог «Лавери», непременно перекидывался с ним парой слов. Но это была его работа. А он туго знал свое дело. И всегда спрашивал, как у тебя дела и не нужно ли чего. «Мисс Луиза, вы не можете выйти на улицу в шлепанцах!» Он, словно фокусник, доставал откуда-то зонтик и провожал вас до края тротуара, а чаевые

принимал ловким движением руки карточного шулера. Он умел вытаскивать из рукава доллары, чтобы незаметно отблагодарить копа, который убирал с дороги фургончик бакалейщика или развозку из химчистки и высвистывал ярко-желтое такси, материализующееся буквально из воздуха. Он был не только привратником «Лавери», но и сердцем этого дома, обеспечивая бесперебойное функционирование его кровеносной системы.

3. Ньюйоркцы, которые не отъезжали на лимузинах от нашего здания, обычно ходили реально быстро, очень, очень быстро, размашисто шагая по тротуару, окунаясь в толпу и выныривая оттуда, словно у них были специальные сенсорные устройства, не дающие им столкнуться с другими прохожими. В руках они держали телефоны или пенопластовые стаканчики с кофе, и уже к семи утра по крайней мере половина из них была в рабочей одежде. Всякий раз, замедляя шаг, я слышала над ухом глухое проклятье или чувствовала, как в спину больно врезается чья-то сумка. Я отказалась от своей самой затейливой обуви, в которой приходилось ковылять: от шлепанцев на высокой гейше или полосатых сапог на платформе а-ля семидесятые, – в пользу кроссовок, чтобы можно было двигаться вместе с потоком, а не становиться препятствием на пути водной стихии. И если бы вы посмотрели на меня сверху, то никогда не догадались бы, что я не местная. По крайней мере, мне очень хотелось так думать.

Во время первых уик-эндов я только и делала, что ходила, буквально часами. Я почему-то решила, что мы с Натаном будем проводить время вместе, обследуя новые места. Но у Натана уже образовался свой круг знакомых – в основном накачанных парней из категории тех, кого не слишком интересуется женское общество, по крайней мере пока они не вольют в себя несколько банок пива. Натан проводил уйму времени в тренажерном зале и отмечал каждый уик-энд свиданием с одной или двумя девушками. Когда я предлагала сходить в музей или пройтись по парку Хай-Лайн, он смущенно улыбался и говорил, что у него уже есть свои планы. И так, я гуляла в одиночестве. С картой в руках, обходя стороной центральные улицы, я шла через Мидтаун в Митпэкинг, Гринвич-Виллидж и Сохо; словом, туда, где, как мне казалось, были интересные места, и по дороге пыталась запомнить, куда какой транспорт идет. Я увидела, что Манхэттен делится на четко различимые районы: от Мидтауна, с его высотными зданиями, до мощенных булыжником холодных мостовых Кросби-стрит, где каждый второй человек выглядел как модель, как будто все они выкладывали в «Инстаграме» фотки, посвященные органическим продуктам. Я шла куда глаза глядят, без особой цели. Поела салат в салат-баре, заказав резанные овощи с кинзой и черной фасолью, потому что такого никогда не пробовала. Села в метро, делая отчаянные попытки не походить на рядового туриста, когда пыталась понять, как купить билет и идентифицировать легендарных сумасшедших, после чего десять минут ждала, чтобы унять сердцебиение, когда снова оказалась при свете дня. А потом я перешла реку по Бруклинскому мосту, как в свое время сделал Уилл, и при виде мерцающей внизу воды, от грохота транспорта под ногами у меня вдруг подпрыгнуло сердце, а в голове еще раз прозвучал его голос: *Просто живи ярко. Подгоняй себя. Не останавливайся на достигнутом.*

Я замерла на середине моста, заворуженно глядя на Ист-Ривер. Я словно оказалась в подвешенном состоянии, у меня внезапно закружилась голова от возникшего в душе странного чувства, что я больше не привязана ни к какому конкретному месту. Ну вот, еще одна галочка в моем списке. Правда, очень скоро я перестала ставить галочки, потому что все кругом было новым и незнакомым.

Во время этих первых прогулок я увидела:

мужчину в женской одежде. Он ехал на велосипеде и пел в микрофон с динамиками мелодии из шоу, а прохожие ему аплодировали;

четырёх девочек, прыгавших через скакалку между двумя пожарными гидрантами. Они прыгали сразу через две скакалки, и я остановилась, чтобы им похлопать. Они застенчиво улыбнулись в ответ;

собаку на скейтборде. Но когда я написала об этом сестре, она ответила, что я надралась;

Роберта Де Ниро.

По крайней мере, мне показалось, что это Роберт Де Ниро. Был ранний вечер, и на меня вдруг напала тоска по дому, а он проходил мимо на углу Спринг-стрит и Бродвея, и я, не удержавшись, громко сказала: «Боже мой! Роберт Де Ниро!», но он даже не повернул головы, и потом я терзалась сомнениями, то ли это был случайный прохожий, который решил, что я говорю сама с собой, то ли это действительно был Роберт Де Ниро, которому просто пришлось не по вкусу, что незнакомые женщины на тротуаре выкрикивают его имя.

Я выбрала второй вариант. И моя сестра опять обвинила меня, что я надралась. Тогда я послала ей фотку с моего телефона, на что она ответила: «Идиотка, это мог быть чей угодно затылок», добавив, что я не только пьяная, но и с самого рождения скудоумная. После чего тоска по дому чуть-чуть ослабла.

Мне хотелось рассказать об этом Сэму. Рассказать все, все, все. Изложив в письмах, написанных красивыми буквами, или, по крайней мере, в длинных сумбурных имейлах, которые мы непременно сохраним и распечатаем, а потом, после пятидесяти лет счастливого брака, отыщем на чердаке нашего дома, чтобы показать своим внукам. Но я ужасно устала за первые несколько недель, и самое большее, на что оказалась способна, – это послать ему имейл о том, как я устала.

Я ужасно устала. Я скучаю по тебе.

Я тоже.

Плачу над телерекламой, засыпаю, когда чищу зубы, и в результате моя усталая грудь оказывается вымазанной в пасте.

Ладно, я все понял.

Я старалась не обращать внимания, что он стал редко присылать имейлы. Я старалась постоянно напоминать себе, что он делает настоящую тяжелую работу, спасает людям жизнь и изменяет мир к лучшему, тогда как я сижу у дверей маникюрного салона или наматываю круги по Центральному парку.

Начальник изменил ему расписание дежурств. Сэм теперь работал четыре ночи подряд и по-прежнему ждал, когда ему дадут постоянного напарника. По идее, это должно было помочь нам говорить чаще, но как-то не срослось. Каждый вечер в любую свободную минуту я прилежно проверяла сообщения на своем телефоне, но именно в это время он уезжал из дому, чтобы заступить на дежурство.

Иногда я чувствовала себя до смешного потерянной, и мне начинало казаться, что Сэм – плод моего воображения.

Одна неделя, успокоил он меня. Еще одна неделя.

Но как ее пережить?

Агнес снова играла на фортепиано. Она играла, когда была счастлива или, наоборот, несчастлива, сердита или разочарована, выбирая мощные, эмоциональные вещи. Она закрывала глаза, когда ее руки порхали по клавиатуре, и раскачивалась на стуле. Предыдущим вечером она играла ноктюрн, и, проходя мимо открытой двери гостиной, я увидела мистера Гупника, который сидел возле жены на банкетке. Агнес была целиком поглощена музыкой, но даже с первого взгляда становилось ясно, что она играет для него, а он, в свою очередь, был явно счастлив просто сидеть рядом и переворачивать ноты. Закончив, Агнес обратила к мужу сияющую улыбку, и мистер Гупник, склонив голову, поцеловал ей руку. Я осторожно прокралась мимо на цыпочках, чтобы не мешать семейной идиллии.

Я сидела в кабинете, изучая светские мероприятия на предстоящую неделю, и уже добралась до четверга (благотворительный ланч в пользу детей с раковыми заболеваниями, «Свадьба Фигаро»), но неожиданно услышала, как кто-то стучится во входную дверь. Илария в данный

момент была с бихевиористкой для домашних животных – Феликс снова сделал что-то неприличное в кабинете мистера Гупника, – поэтому я вышла в коридор и открыла дверь.

Передо мной стояла миссис Де Витт с поднятой, словно для удара, тростью. Я инстинктивно пригнула голову, но, когда миссис Де Витт опустила трость, выпрямилась, поняв, что старуха просто-напросто стучала тростью по двери.

– Я могу вам помочь?

– Скажи ей, чтобы прекратила этот адский грохот! – Ее изборожденное морщинами крошечное личико побагровело от ярости.

– Простите?

– Массажистка. Невеста по переписке. Без разницы. Мне в моей квартире все слышно.

На миссис Де Витт был пыльник с зелеными и розовыми завитушками а-ля семидесятые в стиле Пуччи, на голове – изумрудно-зеленый тюрбан. И хотя оскорбления старой гримзы задела меня за живое, я не могла оставаться равнодушной к ее наряду.

– Хм, на самом деле Агнес – дипломированный физиотерапевт. И это Моцарт.

– Мне наплевать! Хоть чудо-конь Чемпион, который играет на казу́ сама знаешь чем. Скажи ей, чтобы прекратила. Она в этом доме не одна. Пусть проявит хоть каплю уважения к другим жильцам!

Дин Мартин зарычал на меня, явно соглашаясь с хозяйкой. Я не смогла с ходу сформулировать ответ, поскольку отвлеклась, пытаюсь понять, какой его глаз смотрит прямо на меня, а какой – в сторону.

– Миссис Де Витт, я все передам. – Я пустила в ход свою профессиональную улыбку.

– Что значит «все передам»? Не нужно ничего передавать! Заставь ее *прекратить* шуметь! Она сводит меня с ума своей проклятой пианолой. В любое время дня и ночи. Когда-то это был тихий дом.

– Но ваша собака тоже ла...

– Правда, та, другая, была не намного лучше. Жалкая женщина. Вечно со своими крякающими подругами, *кря, кря, кря* в коридоре, а их неприлично большие автомобили забивали улицу. Фу! Я ничуть не удивлена, что он решил поменять ее с доплатой.

– Не уверена, что мистер Гупник...

– Дипломированный физиотерапевт! Боже правый, значит, теперь это так называется?! Полагаю, в таком случае я глава Организации Объединенных Наций. – Она промокнула лицо носовым платком.

– Насколько я понимаю, Америка гордится тем, что здесь вы можете стать всем, кем захотите, – улыбнулась я.

Она прищурилась. Я продолжала улыбаться.

– Вы англичанка?

– Да. – Я почувствовала, что она сменила гнев на милость. – А что, у вас там родственники, миссис Де Витт?

– Не смей меня. – Она оглядела меня с головы до ног. – Мне просто казалось, что английским девушкам присуще чувство стиля. – С этими словами она круто развернулась и, обреченно махнув рукой, поковыляла дальше по коридору, Дин Мартин недовольно потрусил за ней.

* * *

– Это что, та чокнутая старая ведьма из квартиры напротив?! – крикнула Агнес, когда я тихонько закрыла дверь. – Брр! Неудивительно, что ее никто не навещает. Она похожа на мерзкую сушеную воблу.

В коридоре повисла тишина. Я услышала, как Агнес переворачивает страницы.

А затем она заиграла какую-то вещь с быстрыми пассажами и мощными аккордами, ее пальцы буквально обрушивались на клавиатуру, а нога с такой силой давила на педаль, что дорожал пол.

С улыбкой на лице я отошла от двери гостиной и, вздохнув про себя, посмотрела на часы. Оставалось всего два часа.

Глава 8

В тот день должен был прилететь Сэм, который собирался остаться здесь до вечера понедельника. Он забронировал нам номер в отеле в нескольких кварталах от Таймс-сквер. Памятуя о словах Агнес, что разлука отдаляет влюбленных, я отпросилась у нее на вторую половину дня. Она сказала «может быть», и по ее тону я поняла, что ответ будет скорее положительным, хотя внутренний голос подсказывал мне, что новость о приезде Сэма на уик-энд ее не слишком обрадовала. И все же я шла, пританцовывая, с дорожной сумкой в руках, на Пенсильванский вокзал, чтобы сесть на аэроэкспресс до аэропорта имени Джона Кеннеди. К тому времени, как я добралась до аэропорта, у меня внутри все дрожало от нетерпения.

На табло прилета было указано, что самолет приземлился. Значит, сейчас Сэм ждет багаж, поэтому я поспешила в дамскую комнату привести в порядок прическу и макияж. Чувствуя себя слегка вспотевшей и растрепанной после битком набитого поезда, я подкрасила ресницы и губы, затем прошла щеткой по волосам. В честь такого случая я надела юбку-брюки из бирюзового шелка, черную футболку поло и высокие черные ботинки. Мне хотелось больше походить на себя прежнюю и в то же время показать, что я как-то неуловимо изменилась, возможно, стала чуть-чуть более загадочной. Дав дорогу какой-то измученной тетке с огромным чемоданом на колесиках, я подушилась и посмотрелась в зеркало, примеряя на себя роль женщины, встречающей любовника в международном аэропорту.

Из дамской комнаты я вышла с отчаянно бьющимся сердцем, а когда посмотрела на табло, то поняла, что жутко нервничаю, хотя наша разлука длилась всего четыре недели. Этот мужчина видел меня в самом неприглядном виде: разбитой, испуганной, печальной, противоречивой – и тем не менее продолжал меня любить. Он был все тем же Сэмом, уговаривала я себя. Моим Сэмом. Ведь ничего не изменилось с тех пор, как он позвонил в мою дверь и через переговорное устройство, смущаясь, пригласил на свидание.

На табло по-прежнему было написано: «Ожидание багажа».

Я заняла выгодную позицию у барьера, в очередной раз проверила прическу и устремила взгляд на раздвижные двери, непроизвольно улыбаясь при виде счастливых парочек, встречающихся после долгой разлуки. И сразу подумала: «Еще минута – и мы будем на их месте». После чего я сделала глубокий вдох, внезапно почувствовав, что у меня начинают потеть ладони. Через раздвижные двери уже начали просачиваться тонкими струйками прибывшие пассажиры, и мое слегка безумное лицо невольно стало смахивать на маску предвкушения: с открытым от волнения ртом и восторженно поднятыми бровями, совсем как у политического деятеля, заметившего, якобы случайно, кого-то в толпе.

Порывшись в сумке в поисках носового платка, я еще раз оглядела прибывших пассажиров. В нескольких ярдах от меня стоял Сэм, его голова заметно возвышалась над людским морем. Сэм, точно так же как я, сканировал взглядом толпу. Пробормотав «простите» стоявшему рядом человеку, я поднырнула под барьер и кинулась к Сэму. Он резко повернулся, больно стукнув меня сумкой по ноге.

– Вот черт! Ты в порядке? Лу? Лу?

Я потеряла ногу, с трудом сдержавшись, чтобы не выругаться. На глаза навернулись слезы, и я, преодолевая боль, проговорила сквозь стиснутые от боли зубы:

– Там было написано, что твой багаж еще не прибыл! Поверить не могу, что прошляпила наше великое воссоединение! Я была в туалете!

– У меня только ручная кладь. – Он положил руку мне на плечо. – Как нога? Не болит?

– Но я ведь все так хорошо распланировала! Даже табличку сделала и все такое! – Я достала из-под куртки заламинированную картонку и выпрямилась, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в ноге. «Самый красивый парамедик в мире». – Это должно

было стать одним из определяющих моментов наших отношений! Одним из тех, к которым вы то и дело возвращаетесь: «А помнишь, как я встречала тебя в аэропорту Джона Кеннеди?»

– Но это так или иначе прекрасный момент, – с надеждой произнес он. – Я очень рад тебя видеть.

– Рад меня видеть?

– Счастлив. Счастлив тебя видеть. Прости. Я что-то торможу. Совсем не спал.

Я снова потеряла ногу. Минуту-другую мы молча смотрели друг на друга.

– Нет, так не годится! – заявила я. – Тебе придется вернуться.

– Вернуться?

– К барьеру. И потом я сделаю все, как запланировано, то есть подниму табличку, подбегу к тебе и мы поцелуемся. Вот тогда все будет правильно.

– Ты серьезно? – вытаращился на меня Сэм.

– Это стоит того. Ну давай иди! Пожалуйста.

Поняв наконец, что я не шучу, Сэм направился навстречу потоку прибывших пассажиров. Люди смотрели на него с удивлением, некоторые осуждающе качали головой.

– Стой! – Я попыталась перекричать стоящий кругом гвалт. – Достаточно!

Но Сэм меня не слышал. Он продолжал идти в сторону раздвижных дверей – и мне вдруг стало страшно, что он сядет на самолет и улетит обратно.

– Сэм! – завопила я. – СТОЙ!

Все дружно посмотрели в мою сторону. Он повернулся и увидел меня. И пока он разворачивался, я снова поднырнула под барьер.

– Сюда! Сэм! Это я! – Я помахала табличкой, и он пошел навстречу, невольно улыбаясь этой дурацкой затее.

Уронив табличку, я бросилась к нему, и на сей раз он не стал бить меня сумкой по ноге, а бросил сумку на пол и поднял меня вверх, и мы поцеловались, совсем как в кино – страстно, самозабвенно и восторженно, не смущаясь и не думая о запахе кофе изо рта. По крайней мере, мне так показалось. Потому что после того, как Сэм оторвал меня от земли, я забыла обо всем: о наших сумках, о людях кругом, о любопытных взглядах. Обо всем, кроме его крепких рук и нежных губ. Мне не хотелось отпускать Сэма. Я прижалась к нему, такому сильному и надежному, и вдохнула знакомый аромат кожи, и уткнулась носом в его шею, буквально до боли чувствуя, как каждая клеточка моего тела истосковалась по нему.

– Ну что, ненормальная, теперь лучше? – спросил Сэм, слегка отстранившись, чтобы получше меня разглядеть.

Я подумала, что наверняка помада размазалась по лицу, волосы взъерошились, а вдобавок от его медвежьих объятий побаливали ребра.

– О да, – сказала я, улыбаясь как последняя идиотка. – Намного.

Мы договорились забросить вещи в отель, и по дороге я усиленно сдерживалась, чтобы не трещать без умолку от возбуждения. Я молола чепуху, обрушивая на Сэма неотфильтрованный поток сознания. Он смотрел на меня, как смотрят на не в меру разрезвившуюся собачку: с некоторым изумлением и легкой тревогой. Но когда за нами закрылись двери лифта, он протянул меня к себе, взял мое лицо в ладони и снова поцеловал.

– Ты это специально, чтобы я заткнулась? – поинтересовалась я.

– Нет. Потому что мне этого не хватало все четыре бесконечные недели, и теперь я собираюсь это делать столько раз, сколько получится, до самого отъезда.

– Мне нравится ход твоих мыслей.

– Всю дорогу готовился.

Я смотрела, как он вставляет ключ-карточку и, наверное, в пятисотый раз изумлялась своему везению. Ведь я нашла такого мужчину именно в тот момент, когда и не надеялась кого-

то полюбить. И сейчас я чувствовала себя такой порывистой, непредсказуемой и романтической, совсем как героиня воскресного кино.

– Ну вот и все.

Мы остановились на пороге. Номер отеля оказался меньше моей комнаты у Гупников, на полу ковролин в коричневую клетку, а постель не роскошное ложе с эксклюзивным итальянским бельем, как я рисовала в своих фантазиях, а продавленная двуспальная кровать, застеленная покрывалом в бордово-оранжевую клетку. Я старалась не думать о том, когда его в последний раз отдавали в химчистку. Сэм закрыл за нами дверь, и я бочком обошла кровать, чтобы заглянуть в ванную комнату. Только душевая кабина и никакой ванны, а когда я включила свет, вентилятор завыл дурным голосом, словно капризный малыш у кассы супермаркета. В комнате пахло застарелым табаком и промышленным освежителем воздуха.

– Тебе не нравится. – Сэм напряженно вглядывался в мое лицо.

– Нет! Все идеально!

– Конечно не идеально. Прости. Я забронировал его через Интернет, вернувшись после ночного дежурства. Может, спуститься вниз и попросить другой номер?

– Дама на ресепшн говорила, что отель забит под завязку. Брось, все замечательно! Кровать, душ, отель в самом центре Нью-Йорка, и вообще, тут есть ты. А значит, все будет замечательно!

– Брехня! Мне следовало посоветоваться с тобой.

Я никогда не умела врать. Сэм протянул руку, и я нежно сжала его ладонь.

– Все чудесно. Честное слово!

Мы, не сговариваясь, бросили взгляд в сторону кровати. И я прижала руку к губам, понимая, что не могу сказать то, что вертелось у меня на языке.

– Возможно, нам стоит проверить кровать на предмет клопов.

– Ты серьезно?

– Если верить Иларии, то здесь, в Нью-Йорке, просто нашествие клопов. – (У Сэма понуро поникли плечи.) – Даже в самых шикарных отелях бывают клопы. – Я подошла к кровати и, резким движением сдернув покрывало, принялась обследовать белую простыню, после чего наклонилась, чтобы проверить край матраса.

– Ничего! И так, все замечательно! Мы в отеле, где нет клопов! – Я подняла большие пальцы вверх. – Ура!

В комнате вдруг стало тихо.

– Пойдем прогуляемся, – сказал Сэм.

И мы пошли прогуляться. По крайней мере, отель находился в отличном месте. Мы прошли шесть кварталов по Шестой авеню и вернулись на Пятую, петляя и идя куда глаза глядят. Я пыталась не болтать без умолку о себе или о Нью-Йорке, что оказалось труднее, чем я думала. Сэм же в основном молчал. Он взял меня за руку, я прислонилась к его плечу, стараясь не пожирать Сэма глазами. Было нечто странное в том, что он здесь. Я поймала себя на том, что ловлю буквально мельчайшие детали его внешности – царапину на руке, слегка отросшие волосы – в нелепой попытке воссоздать любимый образ в своем воображении.

– Ты перестал хромать, – заметила я, когда мы остановились посмотреть в окно Музея современного искусства.

Я нервничала, поскольку Сэм упорно молчал, словно этот жуткий номер отеля все испортил.

– И ты тоже.

– Я начала бегать! – сообщила я. – Ты только прикинь! Каждое утро мы с Агнес и Джорджем, ее тренером, совершаем пробежку по Центральному парку. Вот, потрогай мои ноги! – Я подняла ногу, Сэм сжал мое бедро, и это явно произвело на него впечатление. Увидев, что на нас начинают оборачиваться, я поспешно добавила: – Ладно, теперь можешь отпустить.

– Извини, – сказал он. – Просто давным-давно забытое ощущение.

Я совсем запамятовала, что Сэм всегда предпочитал слушать, нежели говорить. Поэтому он не сразу сообщил, что у него новый напарник. После двух фальстартов – парня, в результате решившего, что не хочет быть парамедиком, и Тима, профсоюзного деятеля средних лет, который, очевидно, ненавидел все человечество (образ мыслей, совершенно неподходящий для этой работы), – Сэму дали в напарники женщину со станции скорой помощи Северного Кенсингтона, которая недавно переехала и хотела найти работу поближе к дому.

– А какая она из себя?

– Она, конечно, не Донна, – ответил Сэм. – Но вполне нормальная. Она хотя бы знает, что делает.

За неделю до этого Сэм встретился с Донной за чашкой кофе. Химиотерапия не помогла отцу Донны, но она всячески старалась замаскировать мрачное настроение едким сарказмом и шутками, впрочем, как обычно.

– Я хотел сказать ей, что нет нужды в напускной бравате. Ведь она знает, что я прошел все это со своей сестрой. Однако мы все так или иначе научились по-своему справляться с подобными вещами.

Джейк, рассказал Сэм, вполне прилично успеваает в колледже и просил передать привет. Его отец, свояк Сэма, бросил лечение у психотерапевта, поскольку, по его словам, это было не для него, хотя он и оставил маниакальную привычку тащить в постель каждую встречную незнакомую женщину.

– Теперь он научился справляться со своими чувствами, – вздохнул Сэм. – После твоего отъезда он, можно сказать, кремень.

– А ты?

– Я справляюсь, – как-то обыденно бросил Сэм, но у меня от его слов защемило сердце.

– Но это ведь не навсегда, – сказала я, когда мы остановились.

– Знаю.

– А пока ты здесь, предлагаю оттянуться на полную катушку.

– Ну и какие у тебя планы?

– Хм, в первую очередь я хочу, чтобы ты разделся догола. Затем ужин. После этого ты снова разденешься догола. Возможно, прогулка по Центральному парку, ну и банальная туристская программа вроде паром на Стейтен-Айленд, Таймс-сквер, шопинг в Ист-Виллидж и, наконец, немножко реально хорошей еды, после чего ты опять разденешься догола.

– А ты сама-то собираешься раздеться? – ухмыльнулся Сэм.

– Ну конечно, два по цене одного. – Я прислонилась к его плечу. – А если серьезно, я рада, что ты приехал и своими глазами увидел, где я работаю. Возможно, я познакомлю тебя с Натаном, и с Ашоком, и со всеми людьми, с которыми мне приходится иметь дело. Мистера и миссис Гупник не будет в городе, так что тебе вряд ли удастся с ними встретиться, но, по крайней мере, ты сможешь получить общее представление.

Сэм остановился и развернул меня к себе лицом:

– Лу, на самом деле мне глубоко наплевать, чем мы будем заниматься. Лишь бы быть вместе с тобой. – Он даже слегка покраснел, словно и сам не ожидал от себя такого.

– Что ж, мистер Филдинг, очень романтично.

– Я тебе вот что скажу. Мне срочно нужно хоть что-нибудь поесть, если ты хочешь воплотить в жизнь ту часть плана, где я должен разделся догола. Где мы можем перекусить?

Мы как раз шли мимо Радио-Сити, окруженного громадными офисными зданиями.

– Здесь есть кофейня, – сказала я.

– Ой, нет! – хлопнул в ладоши Сэм. – Вот он, мой дорогой. Настоящий нью-йоркский фургончик с едой. – Он показал на один из обычных фургончиков с едой, предлагающий разнообразные бурито: «Мы приготовим любые по вашему желанию».

Последовав за Сэмом, я терпеливо ждала, пока он заказывал нечто размером с колесо, пахнущее горячим сыром и жирным мясом неясного происхождения.

– У нас ведь на сегодня не запланирован поход в ресторан? – с набитым ртом спросил Сэм.

Я не выдержала и расхохоталась:

– Все, что угодно, лишь бы ты продержался и не заснул. Хотя у меня есть нехорошее подозрение, что это доведет тебя до пищевой комы.

– Боже, как вкусно! Хочешь кусочек?

Конечно да. Но я надела реально шикарное нижнее белье, и мне не хотелось, чтобы резинки впились в мясистые части тела. Поэтому я подождала, пока Сэм доест, шумно оближет пальцы и выбросит салфетку в урну.

– Ладно. – Сэм взял меня за руку, и, к счастью, все снова стало нормально. – Как насчет раздевания догола?

На обратной дороге в отель мы молчали. У меня больше не было сосущего ощущения, будто разлука создала невидимый барьер между нами. Сейчас мне уже не хотелось разговаривать. Хотелось поскорее прижаться к его обнаженному телу. Хотелось принадлежать ему полностью, покориться, забыться в его объятиях. Мы пошли вниз по Шестой авеню, мимо Рокфеллеровского центра, и я больше не замечала путающихся под ногами туристов. Я будто оказалась заперта в невидимом пузыре, и все мои чувства сейчас были настроены на теплую ладонь, сжимавшую мои пальцы, на тяжелую руку на моем плече. Все его движения были пронизаны желанием, от которого у меня перехватывало дыхание. Да, можно смириться с разлукой, подумала я, если наши встречи после расставания будут столь же сладостными, как эта.

Не успели мы войти в лифт, как Сэм страстно прижал меня к себе. Мы поцеловались, и я растаяла, сомлела от близости его тела, а кровь стучала в висках так, что я практически не слышала, как остановился лифт. Не размыкая объятий, мы вывалились наружу.

– Эта штука для открывания дверей. – Сэм нервно ощупывал карманы. – Штука для открывания! Куда я ее положил?

– Она у меня, – успокоила я Сэма, пытаясь залезть в задний карман брюк.

– Слава богу! – с облегчением вздохнул он, ногой прикрыв за собой дверь. – Ты даже не представляешь, как долго я об этом мечтал!

Две минуты спустя я лежала, вся в липком поту, на Бордовом Покрывале Судьбы и думала, как бы незаметно дотянуться до трусиков. Несмотря на проведенный ранее тщательный осмотр кровати, было в этом покрывале нечто такое, что невольно вызывало желание поставить преграду между ним и моим обнаженным телом.

Голос Сэма повис в воздухе где-то рядом со мной.

– Прости, – прошептал он. – Я знал, что буду счастлив тебя видеть. Но не ожидал, что настолько.

– Все нормально. – Я повернулась к нему лицом.

Он обладал удивительной способностью обволакивать меня и словно возносить к облакам. Раньше я никогда не понимала женщин, утверждавших, будто наличие мужчины создает у них чувство защищенности, но именно так я чувствовала себя в присутствии Сэма. Правда, сейчас, судя по отяжелевшим векам, он явно боролся со сном, ведь, по моим прикидкам, в Англии было около трех утра.

– Дай мне двадцать минут, и я снова буду в строю, – поцеловав меня в нос, сказал Сэм.

Пробежавшись кончиками пальцев по его губам, я закинула на него ногу, чтобы прижаться к нему всем телом. Сэм накрыл нас одеялом, и я вдруг почувствовала, что снова воспаляюсь. Уж не знаю, что такого было в Сэме, но с ним я становилась сама не своя – сво-

бодной от предрассудков и ненасытной. И я знала, стоит только прикоснуться к нему, как во мне сразу просыпается вожделение. Его плечи, мощные руки, мягкий, как у ребенка, пушок на шее у линии волос – все это будило желание.

– Я люблю тебя, Луиза Кларк, – нежно произнес он.

– Двадцать минут, да? – улыбнулась я, еще сильнее прижимаясь к нему.

Но он уже заснул, словно провалившись в сон. С минуту я смотрела на Сэма, напряженно гадая, стоит ли будить его и что придется для этого сделать, но затем вспомнила, какой измученной и потерянной я была сразу после прилета в Нью-Йорк. И еще подумала, что он пахал всю неделю по двенадцать часов в день. Да и вообще, это всего лишь несколько часов, а у нас еще целых три дня впереди. Я отпустила Сэма и с грустным вздохом перекатилась на спину. Тем временем за окном уже совсем стемнело, в притихший номер вдруг проник далекий шум транспорта. Мою душу раздирали противоречивые чувства, и, что самое неприятное, одним из них было разочарование.

«Прекрати!» – строго приказала я себе. Мои ожидания оказались слишком высокими, словно суфле, опадающее под воздействием окружающей атмосферы. Он был здесь, и мы были вместе, и через несколько часов он снова проснется. «Давай-ка лучше спать, Кларк». Я положила на себя тяжелую руку Сэма, вдохнула запах его теплой кожи. И закрыла глаза.

Полтора часа спустя я лежала на краю кровати, изучала на экране телефона мамину страничку в «Фейсбуке», удивляясь ее нездоровому пристрастию к мотивационным цитатам, а также к фотографиям Тома в школьной форме. Часы показывали половину одиннадцатого, и, естественно, сна не было ни в одном глазу. Тогда я встала с кровати и прошлепала в ванную. Я специально не стала включать свет, чтобы звук воющего вентилятора, не дай бог, не разбудил Сэма. Если честно, я не слишком рвалась ложиться обратно в кровать. Сэм скатился на середину продавленного матраса, и мне оставалось или примоститься на крошечном кусочке с самого края, или взгромоздиться на Сэма. Да и вообще, может, этих полутора часов сна ему уже более чем достаточно? Тогда я залезла в постель, прижалась к Сэму и после секундного колебания поцеловала его.

Тело Сэма откликнулось на ласку раньше его самого. Он притянул меня к себе, большая ладонь гладила мое тело, губы осыпали мою спину сонными, нежными поцелуями, заставляя меня выгибаться дугой. Я сменила положение с тем, чтобы он оказался сверху, нашла его руку, наши пальцы переплелись, из моей груди вырвался страстный вздох. Сэм явно хотел меня. Он открыл глаза, и я, изнемогая от страсти, утонула в их сумрачной глубине, но тут с удивлением заметила, что его вдруг прошиб пот.

Он окинул меня долгим взглядом.

– Привет, красавчик, – прошептала я.

Сэм явно попытался что-то сказать, но слова, похоже, застряли у него в горле. Он смущенно посмотрел в сторону. И внезапно скатился с меня.

– Что? – удивилась я. – Что я такого сказала?

– Прости, – ответил Сэм. – Подожди, я сейчас.

Он рванул в ванную, с силой захлопнув за собой дверь. До меня донеслось: «Господи!» – а затем жуткие звуки, которые, к счастью, частично заглушил вой вытяжного вентилятора.

Оцепеневшая, я сидела на кровати, затем встала и натянула футболку:

– Сэм?

Я прижалась ухом к двери, после чего внезапно отпрянула. Звуковые эффекты безжалостно нарушали интимность происходящего в ванной.

– Сэм? Ты в порядке?

– Все нормально, – послышался сдавленный голос.

Но все было далеко не нормально.

– Что случилось?

Напряженная тишина. Звук сливаемой воды.

– Я... Э-э-э... Похоже, у меня пищевое отравление.

– Ты серьезно? Я могу тебе чем-то помочь?

– Нет. Просто... просто не входи сюда. Хорошо? – Затем последовали звуки неукротимой рвоты и приглушенное чертыханье. – Не входи сюда.

* * *

Примерно в таком же духе прошли еще два часа: Сэм из последних сил боролся со своими внутренними органами по одну сторону запертой двери, а я, в одной футболке, сидела, терзаемая тревогой, по другую. Сэм категорически отказывался впустить меня внутрь. Думаю, ему не позволяла гордость.

Мужчина, который наконец вышел из ванной около часа ночи, был цвета шпаклевки. Я поспешно вскочила на ноги, когда дверь ванной наконец открылась. Сэм перешагнул через порог и слегка отшатнулся, словно не ожидал меня здесь увидеть. Я инстинктивно протянула ему руку, явно не в силах удержать человека его комплекции:

– Что мне делать? Может, стоит вызвать врача?

– Нет. Мне просто нужно... чтобы это улеглось. – Схватившись за живот, Сэм плюхнулся на постель. Под его запавшими глазами залегли черные тени, взгляд был устремлен в пустоту. – В прямом смысле.

– Я дам тебе попить. И вообще, я сейчас сбегаю в аптеку и куплю тебе диоралит или что там у них есть от расстройства желудка.

Но Сэм был не в состоянии говорить. Мокрый от пота, он лежал на боку, глядя прямо перед собой.

Я купила нужное лекарство, мысленно благодаря Город, Который Не Только Никогда Не Спит, Но И Предлагает Регидрат. Сэм жадно выпил порошок, после чего, извинившись, снова исчез в ванной. Что до меня, то время от времени я просовывала в дверную щель бутылку с водой, но в конце концов сдалась и уселась пред телевизором.

– Прости, – пробормотал Сэм, когда где-то около четырех, шатаясь, вышел из ванной.

Рухнув на Бордовое Покрывало Судьбы, он забылся коротким беспокойным сном.

Я тоже пару часов поспала, накрывшись гостиничным халатом, а когда проснулась, то обнаружила, что Сэм до сих пор спит. Приняв душ и одевшись, я тихонько закрыла за собой дверь, чтобы выпить кофе в холле отеля. Меня буквально шатало от усталости. Ничего, успокаивала я себя, у нас еще два дня впереди.

Но когда я вернулась в номер, Сэм снова был в ванной.

– Мне ужасно жаль. – Сэм наконец вышел из ванной. Я раздвинула шторы, и при свете дня его лицо, на фоне несвежей простыни, казалось особенно серым. – Сомневаюсь, что сегодня от меня будет много проку.

– Все отлично! – бодро откликнулась я.

– Но к обеду, может, и оклемаюсь.

– Отлично!

– Хотя поездка на пароме, возможно, пока исключается. Не уверен, что могу позволить себе места с...

– ...общественными туалетами. Я поняла.

Сэм печально вздохнул:

– Да уж, я отнюдь не так представлял себе сегодняшний день.

– Все отлично! – Я прилегла к нему на кровать.

– Может, прекратишь твердить как попугай «все отлично»! – раздраженно оборвал меня Сэм.

Секунду-другую я обиженно молчала, после чего ледяным тоном проронила:

– Отлично!

Сэм осторожно посмотрел на меня краешком глаза:

– Извини.

– Перестань все время извиняться.

Мы сидели на кровати, глядя перед собой невидящими глазами. Внезапно он накрыл мою руку своей:

– Послушай, я, вероятно, застряну тут еще на пару часов. Тебе необходимо набраться сил. А не торчать здесь со мной. Лучше прошвырнись по магазинам или типа того.

– Но ты ведь приехал только до понедельника. И без тебя мне вообще ничего не хочется делать.

– Лу, я сейчас ни на что не гожусь. – Сэм, казалось, был готов треснуть кулаком по стене, если, конечно, у него хватило бы сил сжать руку в кулак.

Я прошла два квартала к газетному киоску, где накупила кипу газет и журналов. А еще купила себе нормального кофе, кекс и простой белый рогалик на случай, если Сэм, проснувшись, захочет есть.

– Припасы, – заявила я, свалив все это добро на край кровати. – Теперь можно здесь окопаться.

Именно так мы и провели день. Я прочла «Нью-Йорк таймс» от корки до корки, включая обзор бейсбольных матчей. Повесила на дверь табличку «Не беспокоить», пока он дремал, и принялась ждать, когда к его лицу вернутся краски.

Может, ему станет лучше, и мы еще успеем прогуляться, пока не стемнело.

Может, мы еще сможем пропустить по стаканчику в баре отеля. Может, ему будет полезно принять сидячее положение.

Ладно, может, завтра ему все же будет лучше.

Без четверти десять, когда я выключила телевизионное ток-шоу, спихнула с кровати газеты и забралась под одеяло, единственной частью моего тела, которая касалась Сэма, были кончики пальцев, переплетенные с его.

В воскресенье он проснулся повеселевшим. Думаю, к этому времени в его организме уже просто не осталось лишней жидкости, способной выйти наружу. Я принесла ему немного бульона, он осторожно поел и заявил, что чувствует себя вполне здоровым, чтобы пойти прогуляться. Двадцать минут спустя мы бегом вернулись в номер, и он снова заперся в туалете. И вот тут-то он уже не на шутку разозлился. Я попыталась ему сказать, что все в порядке, но в результате только еще больше разозлила его. Ведь нет ничего более жалкого, чем громадный мужчина ростом почти шесть футов четыре дюйма, не способный поднять стакан с водой.

Не в силах более скрывать своего разочарования, я даже решила на какое-то время оставить Сэма. Мне срочно нужно было пройтись по улицам и убедить себя в том, что это не было дурным знаком и, собственно, ничего не значило; да и вообще, немудрено растерять весь свой природный оптимизм, если ты вот уже две ночи толком не спишь и целых сорок восемь часов сидишь взаперти в номере с отвратительной звукоизоляцией в ванной комнате, где прочно засел мужчина, павший в неравной борьбе с острым гастроэнтеритом.

И действительно, тот факт, что сегодня воскресенье, буквально разбивал мне сердце. Ведь завтра мне уже пора возвращаться на работу. А он ничего не успел сделать из всего того, что я запланировала. Мы не сходили на бейсбол, не проехали на пароме до Стейтен-Айленда. Не поднялись на крышу Эмпайр-стейт-билдинга, не пошли рука об руку по парку Хай-

Лайн. В тот вечер мы сидели в кровати, он ел вареный рис, купленный мной в суши-баре, а я жевала безвкусный сэндвич с цыпленком-гриль.

– Ну все, теперь я на верном пути, – пробормотал Сэм, когда я накрыла его одеялом.

– Здорово, – отозвалась я, но он уже заснул.

* * *

Я была не способна еще одну ночь прокручивать экран телефона, поэтому тихонько встала с постели и, оставив Сэму записку, покинула номер. Черт, я чувствовала себя глубоко несчастной и обиженной на жизнь! Почему ему понадобилось есть какую-то гадость, которая повлекла за собой пищевое отравление? Почему он так медленно идет на поправку? Ведь он как-никак парамедик. Почему он не смог выбрать отель получше? Я пошла вниз по Шестой авеню – руки сердито засунуты в карманы, уши заложены от рева непрерывного потока транспорта – и вскоре обнаружила, что направляюсь напрямиком к дому.

Дом.

Неожиданно для себя я поняла, что теперь именно так думаю о «Лавери».

Ашок под навесом болтал с другим швейцаром, который при моем появлении тотчас же отошел в сторону.

– Привет, мисс Луиза. Разве вы сейчас не должны быть со своим бойфрендом?

– Он заболел, – ответила я. – Пищевое отравление.

– Вы, наверное, меня разыгрываете. И где он сейчас?

– Спит. Я просто... не выдержу, если мне придется еще двенадцать часов просидеть с ним в номере.

Я внезапно почувствовала, что вот-вот разревусь. Думаю, Ашок это тоже заметил, потому что махнул мне рукой, предложив поскорее войти внутрь. Он вскипятил чайник в своей каморке и заварил чай с мятой. Я сидела за его письменным столом, прихлебывая горячий чай, Ашок тем временем выглядывал в вестибюль проверить, не появилась ли поблизости миссис Де Витт с обвинениями в том, что он манкирует своими обязанностями.

– Ну ладно, – сказала я. – Почему ты сегодня дежуришь? Мне казалось, сегодня очередь ночного консьержа.

– Он тоже приболел. И в данный момент моя жена зла на меня, как сто чертей. Она собиралась пойти в библиотеку на собрание книголюбов, но нам не с кем оставить детей. Так вот, она пригрозила, что еще одно внеплановое дежурство в мой выходной день – и она самолично потолкует с мистером Овицем. А это уже совсем лишнее. – Ашок покачал головой. – Мисс Луиза, моя жена – страшная женщина. И я никому не советую расстраивать мою жену.

– Я бы с удовольствием помогла, но мне, пожалуй, стоит вернуться в отель, проверить, как там Сэм.

– Вы там с ним поласковой, – сказал Ашок, когда я вернула ему кружку. – Ведь он проделал неблизкий путь, чтобы повидаться с вами. И ручаюсь, ему куда тяжелее, чем вам сейчас.

Когда я вернулась в номер отеля, Сэм уже не спал. Откинувшись на подушки, он смотрел на зернистый экран телевизора. Не успела я открыть дверь, как он поднял на меня глаза.

– Я только... вышла немного прогуляться. Я... я...

– Скажи честно, что ты просто больше не могла ни минуты оставаться со мной. – Я замерла на пороге. Голова Сэма печально поникла. Он выглядел бледным и глубоко несчастным. – Лу, если бы ты знала, как я казню себя...

– Все отлич... – Я вовремя осеклась. – Нет, правда. У нас все хорошо.

Я включила душ, заставила Сэма забраться в душевую кабину, вымыла ему голову, выдавив остатки шампуня из крошечной бутылочки, а затем смотрела, как грязная пена стекает по

его широченным плечам. Сэм молча взял мою руку и нежно поцеловал запястье поцелуем раскаяния. Набросив ему на плечи полотенце, я помогла вернуться в комнату. С тяжелым вздохом он лег обратно в кровать. Я разделась и прилегла рядом с ним, чувствуя себя полностью опустошенной.

– Расскажи что-нибудь о себе. То, чего я еще не знаю.

Я повернулась к нему:

– Ты знаешь обо мне все. Ведь я для тебя как открытая книга.

– Ну давай! Побалуй меня. – Его дыхание щекотало мое ухо, но в голове у меня было пусто.

Я по-прежнему чувствовала странное раздражение из-за испорченного уик-энда, хотя прекрасно понимала, как это несправедливо.

Увидев, что я словно воды в рот набрала, Сэм сказал:

– Ладно, тогда начну я. С этого дня перехожу исключительно на тосты из белого хлеба.

– Очень смешно.

Сэм взгляделся в мое лицо. Когда он снова заговорил, голос его звучал непривычно тихо:

– Да и дома дела идут далеко не блестяще.

– Ты о чем?

Сэм слегка замялся, явно сомневаясь, стоит ли начинать.

– Я о работе. Понимаешь, до того как меня подстрелили, я вообще ничего не боялся. Мог за себя постоять. Наверное, считал себя крутым парнем. А теперь тот случай не выходит у меня из головы. – Я попыталась скрыть удивление, а Сэм растерянно потер лицо и продолжил: – С тех пор как я вернулся на работу, я постоянно ловлю себя на том, что совсем иначе оцениваю ситуации, в которые попадаю... пытаюсь найти пути отхода, потенциальные источники угрозы. Даже когда для этого нет особых оснований.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.